

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗЕОЖНИКОВ СССР

БОРИС КАНДИДОВ

ГОЛОД 1921 ГОДА И ЦЕРКОВЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РАБОЧИЙ
СЕКТОР — ЛЕНИНГРАД 1932

Голод 1921 г. и борьба с ним

По окончании гражданской войны трудящимся нашей страны пришлось пережить тяжелую борьбу с голодом. Насколько серьезным было это бедствие, видно из того, что население голодающих местностей составляло около 33 500 000 чел. От засухи погибло свыше 10 000 000 га посевной площади.

В наиболее острой форме голод свирепствовал в невожских губерниях, где по статистике Центрального комитета помощи голодающим к 1 февраля 1922 г. голодало 13 772 616 чел.

В общем же голод затронул 34 губернии Европейской России, Северного Кавказа, Киргизии и Сибири. На территории УССР голод охватил части 6 губерний.

Голод 1921 г. по своему масштабу значительно превышал голодные бедствия всех прежних лет.

Статистика свидетельствует, что в наиболее голодные годы по ряду нижеуказанных губерний и областей урожай в килограммах на один гектар выразился в таких цифрах.

Губернии и области	1891 г.	1906 г.	1911 г.	1921 г.
Актюбинская (Киргизия).	—	303,0	75,3	21,3
Иземкоммуна	168,7	117,9	149,0	29,4
Уральская	—	307,9	70,4	31,1
Букеевская (Киргизия) .	165,4	144,1	116,4	40,9
Кустанайская	—	303,0	65,5	62,2
Оренбургская	173,6	307,9	50,7	85,1
Самарская	168,7	117,9	149,0	90,0
Астраханская	229,3	144,1	106,4	93,4
Марийская	204,6	191,6	334,2	99,9
Татарская	204,6	191,6	334,2	103,1
Чувашская	204,6	191,6	328,2	106,4
Уфимская	340,7	258,8	221,1	129,4
Запорожская	439,0	678,1	768,2	134,3
Ставропольская	—	601,0	478,3	137,6
Башкирия	406,2	254,9	221,0	137,6
Царицынская	303,0	245,7	265,0	137,5
Челябинская	173,6	307,9	50,7	157,2

1 Привожу по брошюре: „Материал для агитаторов по вопросу об изъятии церковных ценностей для голодающих“, стр. 2.

Из этих цифр видно, что голод 1921 г. был действительно тяжелым бедствием, в итоге которого миллионы людей были обречены на лишения и смерть.

Воспоминания очевидцев и другие материалы тех дней рисуют ужасные картины.

Вот наступило лето 1921 г. Палящий зной иссушил землю.

«Тщедушные, низкорослые овсы как вылезли в раннюю весну мелкими иглами, так и остановились. Побелели, измочалились, превратились в сухое колючее сено. Лишь немногие выровнили соломку, выбросили сережки, но зерно не успело налиться, сережки остались пустыми.

Редкой порослью торчала пшеница с голыми, бесперыми бустылами. Пересохшие безусые колоски сжимали крошечные рано пожелтевшие зерна с впалыми боками...

Дули горячие полуденные ветры, крутились косматые вихри. Дыбились, носились по полям, как дикие разнузданные кони с распущенными хвостами, жадно вылизывали пыль. Задыхались овцы, падали ягнята. Стада по целому дню стояли в пересохших озерах, медленно вылезали на лысые протоптанные бугры...»¹.

Насколько велик был неурожай, можно было видеть из того, что в 12 наиболее пострадавших губерниях чистый сбор в 1921 г. на душу сельского населения выразился отрицательной величиной, т. е. здесь в итоге не было собрано даже затраченных на посев семян. В 9 губерниях чистый сбор был менее 82 кг на душу, а в 10 — колебался от 83,5 до 164 кг на душу².

Статистические данные свидетельствовали, что в голодающих районах потребление хлебных продуктов уменьшилось на 90%, а хлеба вместе с картофелем на 87%.

Не имея хлеба и овощей, население старалось заменить их всевозможными суррогатами. Так, например, население б. Ягодинской и Никольской волостей Ставропольского уезда Самарской губ. готовило «хлеб» из репейника, из катуна, из лебеды с картофельной кожурой, из земли с лебедой, из дубовой коры, из земли с подсолнечной кожурой, из глины и т. д. В других местностях готовили «муку» из семян шиповника, из молотой коры различных деревьев, из конской крови, из лошадиного кала, из осокоря, из щавелевой ботвы и т. д. и т. п.

Само собой разумеется, такое «питание» приводило к самым ужасным последствиям: люди болели и умирали в невероятных муках. Многие суррогаты были совершенно бесполезны для питания, но в состоянии голода люди думали только о том, чем бы наполнить желудок.

В ряде местностей почти весь скот был уничтожен.

Сообщения местных органов власти свидетельствовали о таких фактах:

«Ввиду страшного голода, — сообщал Ново-Геранькинский крестьянский комитет взаимопомощи, — крестьяне не знают,

¹ Александр Неверов — Далекий путь.

² „Известия ВЦИК“ от 15 марта 1922 г. Ст. Н. Дубенецкого „Размеры неурожая 1921 г.“.

чем насытить свой желудок и, голодные, собирают падаль для питания. Идет страшное воровство,—то овцу, то корову уведут и зарежут. Идет убийство. Это все заставляет голод. Детишки, у которых родители уже давно получили безвременную смерть от голодовки, валяются на улицах».

Донесение Егинского сельсовета Аверкинской волости Бугурусланского уезда гласило, что «приближается страх и ужас. Голодные люди, включая детей, ежедневно ползут в помещение сельсовета и требуют себе пищи. Голодающие или высохли, как скелеты, или до безобразия опухли. Вымирание продолжается, требуется приготовление братской могилы».

В акте обследования населения Пилюгинской волости говорилось:

«Обследованием найдено 197 семейств совершенно беспомощными, не могущими даже двигаться. До 1 января 1922 г. протянут на суррогатах только 25 %».

Как массовое явление в Самарской губернии было отмечено вымирание детей. «Матери голодающих детей,—сообщал Карабаевский волостной съезд Бугурусланского уезда,—являясь в волисполком, заявляют, что дети по нескольку дней не видят ничего съестного, ввиду чего грызут себе ручонки, так что приходится их связывать».

Из села Пестравки одна из телеграмм указывала: «Дети мрут с каждым днем, трупы подбираются на улицах».

Из села Клиновки группа детей в 15 человек отправилась в город Пугачов, рассчитывая попасть в детские дома. Шли голодные, истощенные, без крошки хлеба. 13 из них от голода по дороге умерли, и до города Пугачова дошло только два из пятнадцати.

Во многих селах в общественных амбарах были сложены сотни трупов. Их не закапывали, так как истощенное население не могло копать землю. В селе Толстовке и в селе Таловом, в каждом из них было сложено около 200 трупов. В селе Старо-Порубежье—300 и в селе Клевенке—около 400 трупов.

Одна мысль была у голодных: получить хлеб. Для этого шли на всё. «В деревне Мякшунова Казабаевской волости крестьянин Е. Киров за собаку отдал жатвенную машину, плуг и полевую будку... В деревне Казабаеве крестьянин Х. Валиев за три фунта мяса отдал новый рессорный тарантас. Крестьянин К. Кувандыков за два фунта мяса отдал новые хорошие сани»¹.

О фактах людоедства в донесении Укомпомгола г. Пугачова говорилось:

«...Картины переживаемого голода в уезде очень и очень кошмарны. Дело дошло уже до «людоедства». Трупы умерших за недостатком силы у живых не зарываются, а складываются в амбары, сараи, конюшни, а иногда и просто валяются на улицах; и вот начинается воровство этих трупов даже среди белого дня, для того чтобы только поддержать свое го-

¹ „Известия ВЦИК“ от 15 марта 1922 г. Статья „У последней черты“.

лодное существование. Установлены следующие факты лю-
до е д с т в а:

С. Каменка—гр-ки Жигановы (мать и дочь) и гр-ка Пыш-
кина съели трупы своих детей, затем ими были зарезаны две
женщины: гр-ка с. Каменки Фофанова, принимавшая участие
при употреблении в пищу двух детей, и неизвестная старуха
70 лет. Когда и эти запасы иссякли, Жигановы зарезали и
Пышкину.

С. Семеновка—три женщины: Семейкина, Киндюхина и Шу-
бакина в течение декабря выкрали из амбара шесть трупов и
съели их. При обыске оказались две спаленных человеческих
головы и одна ляшка. В преступлении сознались и хвалят че-
ловеческое мясо. Одна из них бежала из-под ареста и опять
попалась во время кражи детского трупа. Там же: с целью гра-
бежа, которого кстати и не оказалось даже, убиты гр-не Коль-
чугина с мальчиком, своим родственником.

С. Пестровка—две женщины утащили труп гр-на Цирку-
лева с кладбища. Изрубили на куски, голова опалена и сва-
рена на холодное. Женщины сознались, что до этого они ели
трупы детей, мясо которых по вкусу одинаково с поросятами.

С. Бартеневка — у гр-на Бартенева Филиппа при обыске
обнаружена целая кадка свежего мяса. Бартенев сознался,
что на почве голода им в ночь на 6 января зарезан неизвест-
ный мужчина, зашедший к нему переночевать. С трупа снята
кожа и даже очищены кишки для приготовления пищи.

Ужасный голод приводил к таким фактам:

«В селе Липовке Царицынского уезда один крестьянин
после смерти своей жены, не будучи в силах выдержать мук
голода, решил зарубить топором своего 7-летнего сына, что-
бы его съест. Завел его в сарай и ударил топором. Но после
убийства сам тут же повесился над трупом убитого ребенка.
Когда пришли люди в сарай, увидели—висит с высунутым
языком, красный, лохматый, а в отдалении на чурбане, где
обычно рубят дрова, труп зарубленного мальчика и брошен-
ный в лужу крови топор»¹.

Почему же возникло это ужасное голодное бедствие?

В силу каких причин оно достигло такой степени?

Кто ответствен за него?

Наши враги говорили, что голод 1921 г. является «наказанием
за грехи», «наказанием за революционную борьбу». Попы и сек-
тантские проповедники на разные лады заявляли, что в голоде
«виноваты большевики».

Все это было конечно явной ложью.

При царизме в России крестьянские голодовки были самым
заурядным и постоянным явлением. С 1891 г. по 1911 г. на юго-
востоке России было отмечено пять урожайных лет, три неуро-
жайных и 13 с недородом. Если сравнить урожай в России, Фран-
ции и Англии за время 1901—1907 гг., то можно видеть, что в
Англии за этот период процент урожайности составлял

¹ „Известия ВЦИК“ № 60 за 1922 г.

от 94 до 107, во Франции — от 90 до 110, а в России видим скачки от 33 до 176. Культурно поставленное крестьянское хозяйство в Западной Европе, как видим, более обеспечивало крестьян, а в России господствовала полная зависимость от явлений природы, от засухи, от погоды. Из года в год продолжали свое существование прежние жадовские обычаи. Господствовала трехполька, господствовали жалкие формы земледелия.

Царское правительство, правительство помещиков и капиталистов, жестоко эксплуатировало крестьянский труд, высасывало у него последние соки и нисколько не заботилось об изменении создавшегося положения. Вместо школ считалось необходимым строить церкви, вместо агрономов — укреплять поповское влияние, вместо сельскохозяйственных знаний деревня наводнялась поповским дурманом.

Крестьянское хозяйство было очень несовершенным и отсталым, налицо была полная зависимость от природы, и это жалкое положение эксплуататорские классы и церковь систематически поддерживали, освящали, укрепляли.

Громадный урон сельскому хозяйству нанесла мировая империалистическая война. Резко уменьшилась посевная площадь и количество домашнего скота. После Октябрьской революции трудящимся Советского Союза пришлось вести в течение ряда лет гражданскую войну, так как помещики, капиталисты и иностранные империалистические государства стремились восстановить прежние порядки, отнять у трудящихся фабрики, заводы, земли. Все это также приводило к ослаблению крестьянского хозяйства. Это ослабление, между прочим, выразилось и в уменьшении к 1921 г. посевной площади по РСФСР и УССР на 35 %.

Вот поэтому-то засуха и неурожай 1921 г. с такой силой и повлиять на крестьянское хозяйство. В конечном счете голод 1921 г. выразился в такой тяжелой форме благодаря наследству, полученному нами от царских времен, благодаря разорению, нанесенному нам империалистической войной и борьбой против советской власти белогвардейских банд и империалистов. Стоит вспомнить, что к этому времени тысячи километров железной дороги были попорчены, сотни мостов разрушены и взорваны.

Нужно иметь в виду, что в этот период у нас господствовали индивидуальные формы сельского хозяйства. Эти формы и техническая отсталость сельского хозяйства обусловили невозможность достаточного сопротивления крестьянской массы стихийному бедствию. В таких условиях бороться с голодом было исключительно трудно.

Несмотря на все препятствия, советская власть мобилизовала все возможности. Весь государственный аппарат работал для борьбы с голодом. В урожайных местностях производился сборы пожертвований, был налажен товарообмен на хлебные продукты. Многие подвиги героизма знает история тех дней. В исключительно трудных условиях создавались комитеты взаимопомощи, возникали столовые, делалось все возможное, чтобы спасти обреченных, чтобы поддержать потухающие жизни. Население голодающих местностей тысячами гибло от свирепство-

жавших здесь эпидемий заразных болезней. На этом фронте с революционным мужеством боролись и умирали женщины-пролетарки — сестры милосердия.

Вспомним, что этот год был первым по окончании гражданской войны, и нам станет ясной исключительная трудность борьбы с голодом.

Из многих фактов можно видеть, что советское правительство и общественные организации трудящихся нашей страны сделали все возможное для ликвидации голода. Еще в начале июня 1921 г. был создан особый штаб борьбы на голодном фронте — Центральный комитет помощи голодающим при ВЦИК. Этот штаб проявил исключительную энергию, хотя борьба с голодным врагом протекала в очень трудных условиях. Средств борьбы было недостаточно. Голод наступал без промедления и устилал свой путь многими тысячами жизней. В порядке государственного снабжения голодающего населения были отпущены в пораженные голодом местности миллионы тонн продуктов.

Отсутствие семян приводило к тому, что на 1922 г. создавалась опасность оставить громадную площадь незасеянной. Ликвидируя эту опасность, государство выделило из своих скудных запасов все, что было возможно.

Каких результатов удалось достигнуть в осенней посевной кампании, можно видеть по следующей таблице:

Губернии и области	Потребность по заявкам Земотдела	Назначено по плану	Фактически отпущено	% выполнения	Всего затраченных семян	Всего дано
Самарская	78,6	30,3	36,6	120,9	4,1	38,5
Саратовская	98,3	31,5	29,9	91,6	0,2	30,1
Симбирская	63,5	19,1	23,5	123,2	5,3	23,8
Немкоммуна	17,2	8,2	9,9	120,5	0,4	10,2
Чувашская область	7,0	8,4	8,4	151,1	1,7	10,1
Марийская область	11,0	8,2	7,4	149,4	1,3	8,5
Татарская республика	143,0	35,9	41,4	122,8	12,5	57,0
Вятская	21,3	2,8	8,8	114,2	1,3	10,2
Уфимская	21,6	10,5	17,3	164,0	3,6	20,9
Парицкая	17,3	6,2	6,4	103,2	—	6,4
Астраханская	4,6	1,1	1,4	127,7	—	1,4
Вотская область	—	2,1	4,6	217,5	2,9	7,6
Башкирская республика	—	2,0	1,8	94,3	—	1,8
Уральская	4,5	1,6	3,0	181,0	—	2,9
Оренбургская	8,2	2,5	2,3	88,1	—	2,3
Фонд НКЗ	—	0,6	0,4	60,0	0,4	0,7
Итого	496,1	171,0	206,1	126,8	33,7	237,5

¹ Цитирую по ст. г. Халатова „Семенная помощь голодающим“ в „Известиях ВЦИК“.

Кроме этого следует иметь в виду, что около 32 761 т семян было выделено для посева из ресурсов самих голодающих губерний. В конечном счете свыше 50% потребностей было удовлетворено.

Весенняя посевная кампания при максимальном напряжении всех сил тоже была проведена со значительным успехом.

Во многих местностях для голодающего населения были организованы общественные работы по заготовке леса, осушению и т. д. На эти работы были отпущены крупные суммы. Установлены были особые голодные налоги. Трудящиеся СССР на 1 марта 1922 г. собрали для помощи голодным 52 398 т хлеба и 17 044 т других продуктов, а к 1 сентября 1922 г. хлеба было собрано 118 660 т и 50 773 т других продуктов. К этому же последнему сроку денежных пожертвований было собрано на сумму 7 662 млрд. по курсу того времени. Для помощи голодным громадные суммы были отпущены Наркомфином. При нашей бедности в одной лишь золотой валюте в 1921 г. Наркомпроду на закупку продуктов было отпущено 102 500 000 руб., Наркомзему на закупку ржи — 12 млн. руб. золотом и т. д.

Для оценки всего этого следует помнить, что в это время наши ресурсы были ничтожны, так как мы имели тягчайшее наследство после империалистической войны и борьбы с белогвардейцами и империалистическими государствами.

Для ликвидации голода надо было получить достаточную помощь из-за границы. Эту помощь в должном масштабе оказать было вполне возможно. В ряде стран был прекрасный урожай. В это время громадные суммы тратились на военные расходы, хотя еще совсем недавно окончилась кровавая бойня, уложившая в могилы 10 млн. чел.

Но интересы капиталистов и помещиков всего мира были не в том, чтобы спасти голодающих Поволжья. Совсем наоборот. Голод 1921 г. дал им новые надежды, что при помощи этого стихийного бедствия удастся сломить трудящихся Советской России. Не танками и пулеметами — так муками голода. Английское правительство считало возможным тратить громадные суммы на содержание оккупационной армии в Германии и в то же время отказалась оказать помощь голодным Советской России¹.

Мировая буржуазия считала нужным проводить программу известного капиталиста-старообрядца П. Рябушинского, еще накануне Октябрьской революции провозгласившего лозунг удущения революции «костлявою рукою голода».

Среди живого буржуазного мира совершенно исключительную позицию занял известный ученый и путешественник Фридрих Нансен. Он заключил договор с советским правительством об оказании помощи голодным. На заседании в Лиге наций в Женеве осенью 1921 г. Нансен в своей речи указывал, какие препятствия ставят ему:

¹ Следует отметить, что крупную роль в помощи голодным выполняла американская АРА, которою было ввезено до 30 млн. разных продовольственных продуктов, медикаментов и одежды.

«...Мы делаем,—сказал Нансен,—все что можем средствами частной благотворительности, но даже в этой области мы встречаем серьезные противодействия путем кампании лжи, начатой против нас. Я укажу вам только на известия, появившиеся в газетах. Писали, что первый поезд, посланный Гувером для голодных, был якобы захвачен и разграблен Красной армией. Это была ложь. Но ложь эта обошла все газеты Европы. А мне рассказывали, что я послал экспедицию в Сибирь с оружием для революционеров. Я это читал в нескольких газетах. Писали, что экспедицией руководит мой друг, капитан Сведруп. Но капитан Сведруп повез в Сибирь только земледельческие орудия. Распространяются целые кучи подобных историй, и не подлежит сомнению, что они распространяются каким-то центральным агентством. Я его не знаю. Но очевидно эти известия распространяет кто-то, кто заинтересован в том, чтобы ничего не было сделано для спасения голодных...

Я не верю, чтобы народы Европы могли сидеть много месяцев с скрещенными руками и ждать голодной смерти миллионов русского народа. В этом году в Канаде урожай так хорош, что Канада может вывезти в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что она не может ее продать и употребляет ее в качестве топлива для паровозов. В Америке и у нас стоят в гаванях корабли без дела, а там, на Востоке, гибнет 30 миллионов людей... Надо смотреть фактам прямо в глаза. Правительства не могут дать 5 000 000 фунтов стерлингов! Правительства не могут собрать этой суммы, которая равна только половине расходов, нужных для постройки одного военного корабля! В Америке же лежит достаточно хлеба, и никто его не дает...

Разве возможно, чтобы Европа спокойно смотрела и ничего не сделала для спасения голодных масс? Я думаю, что это невозможно. Я убежден, что народные массы Европы принудят правительства изменить свои решения. Если они этого не могут сделать, то пусть это скажут открыто, а не созывают каждый день новые комитеты и конференции и не обсуждают вопрос день за днем, месяц за месяцем, когда народ умирает...»

Эти слова Нансена показывают нам, какое отношение проявляла буржуазия к голоду. Делалось все возможное, чтобы в соответствии с политикой блокады эпохи интервенции парализовать борьбу с голодом.

Совершенно иное отношение к голоду проявили трудящиеся капиталистических стран. От своего заработка они уделяли для помощи голодным.

В воспоминаниях бывшего белого эмигранта Бобрищева-Пушкина описан следующий характерный эпизод:

«В колоссальном зале Трекадеро, вмещающем вероятно около десяти тысяч человек, Нансен читал доклад о русском голоде, разъяснял его настоящие причины: гражданскую войну, блокаду, засуху, и опровергал клеветы тех, кто приписывал

голод советскому режиму. Новоземленец Пилленко прервал его возгласом: «Долой советы!» Надо было слышать, с каким единодушием вся эта громадная толпа ответила криком: «Да здравствуют советы!». Вырвавшимся из тысячи грудей. На Пилленко посыпались эпитеты, среди которых «убийца» был не худшим. Затем на стенах всех станций метро (подземной железной дороги вокруг Трокадеро), на стенах всех домов можно было долго еще читать бесчисленные надписи: «Да здравствуют советы». Такие же надписи покрывали дома и в Генуе во время конференции...»

Этот факт свидетельствует, что трудящиеся других стран считали необходимым помочь голодным Поволжья и помогали чем только могли.

Однако побороть голод в условиях тех дней было чрезвычайно трудно.

II

Декрет об изъятии церковных ценностей

Для спасения голодающих было крайне необходимо приобрести за границей достаточное количество хлеба. Это можно было сделать или путем обмена на соответствующие продукты (экспорт), или путем покупки на золото или другие ценности. Ни того, ни другого в необходимом размере советская власть не имела. Империалистическая и навязанная нам гражданская война 1919—1920 гг. совершенно истощили и разорили хозяйство и промышленность, а значительная часть нашего золотого запаса была украдена чехо-словаками.

Однако ценности все же были. Они находились в церквях. Золото, серебро, всевозможные драгоценные камни в большом количестве лежали в десятках тысяч церквей. Они были собраны в продолжение многих сотен лет. Помещики, капиталисты, царские чиновники, князья и графы жертвовали церкви свои «даяния». Эти пожертвования представляли собой часть богатств, награбленных эксплуататорскими классами и их прислужниками. Значительнейшая часть ценностей была приобретена церковью за счет грабительских прибылей, полученных от эксплуатации всевозможных предприятий и земельных угодий. Видная доля составила из сумм, полученных от торговлю «божественной благодатью». В конечном счете все эти ценности были созданы упорным трудом многих поколений трудового люда.

Из сведений церковной литературы было известно, что ценных металлов и драгоценных камней во многих монастырях и церквях имеется на очень большие суммы. Приведем несколько примеров: В Александро-Невской лавре рака для мощей и окружающих ее предметы имели около 1,5 т серебра. Серебряные оклады престолов Юрьево-Новгородского монастыря имели серебра свыше 280 кг. В главном соборе Троице-Сергиевой лавры сень над престолом имела 110,5 кг серебра и 1,63 кг золота.

Драгоценная одежда на этот же престол (украшена бриллиантами и жемчугами) еще до революции была оценена в сумме более полутора миллионов рублей. Одно из серебряных паникадил Киево-Печерской лавры весило более 130 кг. В этом же монастыре две архиерейских митры при царизме были оценены каждая в 50 000 руб.

На страницах «Известий ВЦИК» т. Горев указывал на такие примеры:

«В одной только утвари Исаакиевского собора, пожертвованной в год постройки собора фабрикантами Плинке, Сазиковым, Верховцевым и другими,—215 предметов. Золота в них 2 пуда 1 фунт 63 зол., серебра — 132 пуда 31 фунт 42 зол., Кроме того на одну только серебряную раку к «плащанице» пошло серебра 12 пудов 36 фунт. 52 зол.

Риза на иконе «спасителя», мерой в аршин высоты и $\frac{3}{4}$ арш. ширины, чистого червонного золота. Надпись на золотом венце «сделана из бриллиантов высокой цены».

Таких образов у Исаакия десятки.

В Петропавловском соборе «над престолом во всю ширину и высоту царских врат устроена великолепная сень, блистающая золотом».

На одной только иконе так называемой «Иерусалимской божьей матери»—тяжелый золотой оклад (11 $\frac{1}{4}$ арш.) и бриллиантов больших 38 карат, средних 13 карат и малых 14 $\frac{1}{2}$ карат.

Таких икон 24.

В Казанском соборе одна только золотая риза Казанской иконы весит 10 фунтов, на ней: алмазов 14 32,2 солитера, 1 655 бриллиантов двойной грани, 638 рубинов, 155 изумрудов, 7 сапфиров, 1 400 штук жемчуга, бриллиантовое кольцо из превосходных бриллиантов».

В украинских монастырях и церквах тоже имелось значительное количество ценностей.

В брошюре «Златоверхий Михайловский монастырь в Киеве», составленной попом С. Петровским, сообщалось о таких ценностях указанного монастыря:

«10 сентября 1816 года посетил Михайловский монастырь государь император Александр Павлович. О благоговейном усердии его к Михайловской святыне свидетельствует образ св. архистратига Михаила превосходной работы, пожалованный обители венценосным поклонником в 1817 году. Риза этого образа вся осыпана бриллиантами и другими драгоценными камнями.

По монастырской описи в ризе содержится около десяти фунтов золота, 3 000 бриллиантов и 16 хризолитов. Стоимость этого высочайшего дара Златоверхому монастырю простирается до 45 000 рублей».

Серебряная литая сень над гробницей св. Варвары, поднесенная монастырю графиней Орловой-Чесменской, весила 236,8 кг, а ее работа по словам попов стоила 16 600 руб.

Мы сочли нужным привести поповское описание, чтобы на основании поповских же материалов было видно, что в монастырях и церквях имелись ценные предметы, которые с успехом можно было использовать для покупки хлеба голодным.

Фактов такого рода можно было указать очень много. Все это свидетельствовало, что церковные ценности с успехом могли быть использованы для спасения умиравших от голода людей.

История религиозных организаций вместе с тем подтверждает, что эксплуататорские классы всегда и везде считали нужным использовать церковные богатства для тех или других своих целей. Так, например, московские князья, а после цари, неоднократно занимали нужные им средства у богатых монастырей, в частности у Троице-Сергиевой лавры. При Петре I церковные колокола в большом количестве были использованы для переливки на пушки, и церковь никогда не возражала против использования своих ценностей на ведение империалистических войн или на другие эксплуататорские цели.

Кому принадлежали церковные ценности?

По этому вопросу двух мнений быть не могло. Декрет об отделении церкви от государства объявил принадлежавшие ранее церкви богатства — собственностью трудящихся, собственностью тех, кто эти ценности создал. Это обстоятельство в частности было одной из основных причин, вызвавших бешеную ненависть черного сословия к советской власти.

Начиная с 1921 г., письма и обращения голодающих рабочих и крестьян многократно указывали на необходимость использовать церковные ценности.

В обращении на имя ВЦИК крестьян-ходоков, представителей Симбирской губернии, Качалова, Фомичева и Денисова, были такие строки:

«...В русских церквях и монастырях лежит без движения обильное множество разных драгоценностей, совсем ненужных для обрядов богослужения. Мы просим от имени стонущего в муках голодного народа кликнуть клич ко всем православным верующим христианам и русскому православному духовенству отдать на борьбу с голодом все то золото, бриллианты и другую церковную утварь, которая не требуется богослужением, а служит красивой роскошью в церквях».

Самарские крестьяне писали:

«...Народу не под силу держаться, умирают люди ежедневно с голоду, иные так дичают, что едят покойников, помощь, что оказывается, вовсе недостаточна. Кормится едва десятая часть голодных. Население ищет выхода из этой беды. Населению ведомо, что наше государство нищее, что у него нет сил прокормить всех голодных. Мы и то душевно благодарны, что дали обсеменить озимые и что вот стали приходиться яровые семена. Но мы обращаем внимание нашей власти, что у нас в стране есть большое имущество, сложенное в церквях и монастырях. Мы полагаем, что это имущество есть достояние всего народа. Мы думаем, что наш христианский долг сделать так, чтобы это добро послужило на спасение погибающих».

братьев. Мы и просим нашу власть принять меры, чтобы излишнее церковное имущество пошло на прокормление голодных. Мы представляем эту просьбу и уверены, что все голодающие и все, кто знает, как бедствует народ, нас в этой просьбе поддержат».

Такого рода обращений, заявлений и писем было опубликовано большое количество. Положение действительно было безвыходным, и использование церковных ценностей стало остро необходимым.

Выполняя волю трудящихся нашей страны, советское правительство в феврале 1922 г. издало следующий декрет:

«Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье и для обсеменения его полей, Всероссийский центральный исполнительный комитет, в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, постановил:

1. Предложить местным советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина, со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим.

2. В целях планомерного проведения этого мероприятия, организации точного учета и передачи органам Наркомфина по особому счету для Центральной комиссии помощи голодающим вышеуказанных ценностей—образовать в каждой губернии комиссию в составе ответственных представителей губисполкома, губкомпомгола и губфинотдела, под председательством одного из членов ВЦИК.

3. Пересмотр договоров и фактическое изъятие по описям драгоценных вещей производить с обязательным присутствием представителей групп верующих, в пользование коих вышеуказанное имущество было передано.

4. Изъятые имущества поступают в особый фонд и на особый учет и обрабатываются исключительно на нужды помощи голодающим в порядке, указанном в особой инструкции, выработанной Центральной комиссией помощи голодающим по согласию с Наркомфином и комиссией по учету, изъятию и сосредоточению ценностей.

5. О всех ценностях, поступивших из церковных имуществ, и их расходовании Центральная комиссия помощи голодающим публикует периодически в печати, причем в местной печати публикация должна содержать подробный перечень ценностей, изъятых от местных храмов, молелен, синагог и т. д. с указанием названий этих храмов.

23 февраля 1922 года.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе».

Для характеристики этого декрета следует вкратце остановиться на некоторых его положениях. Прежде всего мы видим, что изъятые ценности будут переданы исключительно в «Фонд Центральной комиссии помощи голодающим». Изъятие ценностей, согласно декрету, должно быть проведено «из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий». К изъятию были намечены те драгоценности, «изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа».

При изъятии должны были присутствовать «представители групп верующих». Характерно также, что в печати предлагалось опубликовать подробные списки изъятых ценностей.

В дополнение к декрету была издана особая «инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих».

Из содержания этой инструкции опять-таки можно было видеть, что никакого «оскорбления веры», как говорили церковные и нецерковные контрреволюционеры, не предполагалось и не могло быть.

Стоит запомнить, что даже за границей некоторые церковные журналы высказывали согласие с декретом.

В журнале «Христианский нравоучитель», выходившем в штате Огайо САСШ, по поводу издания декрета говорилось:

«Из Москвы сообщают, что Всероссийский центральный комитет решил изъять ценности из богатых храмов и церквей, чтобы приобрести для голодающего населения хлеб. Было бы большим грехом, если бы эта мера не была проведена. Во время мировой войны срывались с крыш и колоколен церквей медь и колокола, чтобы выделывать предметы истребления человечества.

Не должно ли разве теперь, в мирное время, ценности церквей передать для спасения голодающих?»

Оливер Кромвель, английский полководец, зашел однажды в кафедральный собор в Иорке. В нишах храма он заметил 12 больших статуй.

Он спросил:

— Кто это?

Ему ответили:

— Двенадцать святых апостолов.

— А из чего они сделаны?

— Из хорошего серебра.

— Тогда,—сказал Кромвель,—они должны быть тотчас же перелиты в слитки, и из них вычеканена монета.

Мы желаем России такого Кромвеля, который твердой рукой взял бы за богатства церквей и превратил бы их в различные деньги для поддержания умирающего населения».

Но такое мнение религиозная пресса высказывала в порядке исключения. Большинство церковных органов заняло в этом вопросе свою обычную классовую позицию, позицию помещиков и капиталистов, желавших удушения советской власти рукою голода, лишений и разрухи.

Классовая позиция церкви ко времени издания декрета

Отношение религиозных организаций к советской власти в течение всего периода ее существования после Октябрьской революции и вплоть до декрета об изъятии ценностей было вполне определенным. «Все современные религии и церкви, — говорил т. Ленин, — все и всяческие религиозные организации, — марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса». Практика церкви при царизме, ее отношение к Октябрьской революции и упорная антисоветская деятельность в продолжение гражданской войны полностью подтвердили эти слова.

В царской России православная церковь верно служила интересам капитала, помогала помещикам, богатым, царским чиновникам. Духовенство с успехом исполняло обязанности духовной полиции. Попы пользовались многочисленными привилегиями, получали большие доходы, имели жалованье от царского правительства, их награждали орденами и чинами за реакционную работу.

Широко известно, какова была роль религиозных объединений накануне Октябрьской революции, в годы мировой империалистической войны. Верная агентура эксплуататорских классов, церковь всемерно мобилизовала свои силы для нужд войны. Богослужение, проповедь, все формы воздействия на массы искусно и ловко были приспособлены в угоду правившим классам. В тылу и на фронте церковники помогали своим господам, обслуживали милитаристические вождения русских помещиков и буржуазии.

В первый же день войны синод принимает постановление, где говорилось о необходимости церквам, монастырям и всему духовенству давать пожертвования на нужды войны¹. В церквах на все время войны были устроены особые сборы. Епархиальные поповские съезды приняли ряд решений об ассигновании специальных сумм на войну. В том числе кишиневский съезд постановил передать на нужды войны 25 000 руб., воронежский — 30 000 руб., тульский — 33 000, харьковский — 40 000 руб. и т. д. и т. п.

Стоит отметить, что на войну давали не только деньги, но и церковные предметы из серебра и золота. Журнал «Церковный вестник» напечатал такое сообщение:

«Собрание городского духовенства постановило доложить митрополиту Флавиану о полной готовности киевского духовенства пожертвовать на нужды войны часть церковных ценностей, заключающих в себе золото и серебро... Первый почит сделал Киево-Печерская лавра, пожертвовавшая 12 фунтов золота и 45 пудов серебра».

¹ Определение № 6592 от 29 VII 1914 г. (по ст. синода).

Когда в 1917 г., уже после Февральской революции, в печати появился ряд заметок о недостаточной поддержке духовенством экономических требований буржуазии, в официальном органе Киево-Печерской лавры была опубликована официальная сводка пожертвований и расходов лавры в связи с войной. Здесь было указано, что в конечном счете лаврские расходы на войну составили 423 163 руб. 77 коп., кроме пожертвованного золота, серебра, меди, цинка и медной монеты. Кстати сказать, было сдано в ручной отдел киевского артиллерийского склада красной меди—4 т. 48 кг, желтой меди—2 т 706,8 кг и цинка—520 кг.

Каким языком считала нужным говорить церковь со своими хозяевами, можно видеть из следующего письма архимандрита Никодима, настоятеля Юрьева монастыря в Новгороде, посланного на имя архиепископа новгородского и старорусского Арсения.

«...Для осуществления такого великого дела (т. е. грабительской войны по требованию англо-французского капитала. — Б. К.), — писал Никодим, — требуются многочисленные жертвы, как живой силы человечества, а равно и денежных средств.

Осмеливаюсь смиренно сказать вам, владыко святой, что Юрьев монастырь для общего блага государства мог бы без всякого ущерба для своего благосостояния оказать еще большую долю пожертвований, великую жертву для нужд военного времени.

Вашему высокопреосвященству известно, что Юрьев монастырь имеет богатые сокровища золота, серебра и бриллиантов, которые хранятся в главе Юрьевского собора и оцениваются уже не тысячами, а миллионами рублей. Храмы, иконы, церковная утварь и облачение монастыря не имеют нужды в этих предметах, т. к. они есть запасные дары и избыток пожертвований графини Орловой-Чесменской или через нее от других лиц. Юрьев монастырь материально достаточно обеспечен.

Какую благодетельную помощь мог бы оказать Юрьев монастырь, если бы подвинул свое иноческое сердце пожертвовать на военные нужды все золото, серебро и бриллианты, оцениваемые миллионами.

Архимандрит Никодим».

Кратко говоря, экономическая поддержка милитаризма в эти годы выразилась в следующем:

- 1) Синод неоднократно обращался с соответствующими указаниями к монастырям и всему духовенству.
- 2) Церковная печать систематически вела агитацию за пожертвования на нужды войны.
- 3) Для нужд военного производства большое количество медной монеты было передано в соответствующие учреждения.
- 4) Значительные суммы из церковных капиталов были даны царскому правительству.
- 5) Многие миллионы рублей церковь выкачала от населения опять-таки для нужд милитаризма.

6) Через духовенство значительное количество золотой монеты было получено царским правительством от населения.

7) Самая разнообразная поддержка была оказана реализации военных займов.

8) Городское и сельское духовенство вело агитацию за внесение соответствующих взносов в сберегательные кассы и т. д. и т. п.

В общем, самые разнообразные меры были выполнены для поддержки экономических интересов царизма. За все время войны никогда и нигде из церковной среды не раздавалось ни одного голоса протеста против бойни, против подлой религиозной деятельности, освящавшей убийство трудящихся руками трудящихся.

После Февральской революции церковь меняет свой фронт и переходит на службу к буржуазии. Духовенство старалось тормозить рост революционного движения в городе и в деревне. Духовенство поддерживало милитаристический «Заем свободы» Временного (буржуазного) правительства, духовенство помогало офицерам и генералам, духовенство благословило расстрел ленинградских рабочих 3—5 июля, духовенство приветствовало кортиловщину.

В дни Октября мы видим пулеметы на колокольнях, и известны тысячи попыток помешать победному шествию октябрьских событий.

Три с лишним года продолжалась героическая гражданская война. Голодная и разоренная Советская Россия оборонялась от врагов, нападавших на нее извне, стремившихся взорвать ее изнутри, окруживших ее стальным кольцом блокады и интервенции.

В эти годы опять-таки мы видим, что крест неизменно помогал иностранным империалистам и белогвардейским бандам.

Внутри страны церковь сумела создать самый подлинный фронт, фронт необычайно живучий и яростно наносивший удары с тыла. Каждая церковь — крепость контрреволюции, каждый церковник — ее агент и шпион! Разве не прятали белогвардейское оружие в алтарях, разве попы не участвовали в заговорах, разве они не поддерживали кулацкие восстания, разве не сеяли лживые слухи всецело направленные к подрыву советской власти, к ее гибели!

Патриарх Тихон за эти годы разослал сотни тысяч воззваний, наполненных ядовитой клеветой по адресу власти рабочих и крестьян. Прикрываясь своим «авторитетом» патриарха и главы церкви, этот верный слуга старого режима всячески стремился сломить шею советской власти.

Церковный собор 1917—1918 гг. был подлинным штабом контрреволюции, систематически и планомерно организовывавшим борьбу духовенства против советской власти. Его члены, эти сановные попы, сожалевшие о «добром старом времени», буржуазные интеллигенты, офицеры, генералы, чиновники и тому подобная публика, — все они лезли из кожи вон, чтобы раздуть кадило контрреволюции.

Тысячи фактов свидетельствуют, что по ту сторону фронта религиозные организации оказывали всяческую поддержку белогвардейским бандам, и эта работа проходила планомерно и организованно.

На юге соответствующее руководство принадлежало «Временному высшему церковному управлению на юго-востоке России», организованному по приказу генерала Деникина ставропольским церковным собором. Это управление существовало вплоть до разгрома врангелевских банд.

В Сибири такой же руководящий орган существовал для поддержки колчаковщины. На севере, по воле белогвардейцев и английского империализма, тоже был создан специальный контрреволюционный центр.

В течение всех лет гражданской войны словом и делом церковники всех мастей служили интересам контрреволюции. Их цель была понятна: разрушить новые формы жизни, реставрировать прошлое, вернуть власть помещикам и капиталистам, закабалить трудящихся.

Аграрная политика белогвардейцев выражала интересы эксплуататорских классов. Во всех местностях, захваченных белогвардейцами и интервентами, у крестьян отнимали полученные после революции земли, крестьян заставляли платить непосильные налоги и контрибуции, господствовал белый террор.

Систему разорения и ограбления крестьянского хозяйства церковь поддерживала и освящала, подготавливая тем самым события 1921 г.

В борьбе с трудовым народом мракобесы нисколько не стеснялись тем обстоятельством, что в случае победы наших врагов Советская страна станет колонией иностранного империализма. Для них было важно лишь одно — вернуть эксплуататорские порядки.

Так было к началу голодных дней 1921 г.

IV

Отношение патриарха Тихона и руководящей церковной верхушки к голоду

Для характеристики церковной позиции в связи с голодом 1921 г. особенного внимания заслуживает деятельность патриарха Тихона и руководящей церковной клики. Вся эта публика по своей классовой физиономии была упорным врагом трудящихся и советской власти. Возглавляя классовую организацию — церковь, эти люди выполняли свое историческое назначение — помогать помещикам и капиталистам.

Глава церкви патриарх Тихон, в мире Василий Белагин, был выходцем из поповской среды. При царском режиме в рядах епархий Тихон занимал епископскую должность. После революции 1905 г. он был председателем ярославского отделения черпо-

сотенно-погромного «союза русского народа»¹. После Февральской революции Тихон был избран московским митрополитом. Этот «смиранный» пастырь играл видную роль в деятельности московского церковного собора 1917—1918 гг., организовывавшего борьбу против советской власти. Под гром октябрьских выстрелов черносотенное поповское собрание избирает Тихона «патриархом всея Руси». Цель выборов — создать руководство религиозной контрреволюцией. Этот выбор Тихон оправдал. До революции главой церкви считался царь. Тихон заменил царскую власть. Он и его штат — «святейший синод» и «высший церковный совет» — много потрудились для свержения советской власти. Недаром на патриарха Тихона возлагали свои надежды белоохранители и политики капиталистических государств.

Весьма знаменательным является также факт такого рода. После Октябрьской революции в ряды церковников с усердием и старанием потянулись представители буржуазной интеллигенции, бывшие царские чиновники, генералы, офицеры, деятели кадетской партии и т. п. публика. Потеряв дорогу на земле, эта братия стала «искать ее на небе». Но это «небо» должно было служить весьма реальным земным целям, а именно — реставрации старого режима путем оживленной и усиленной деятельности религиозных организаций. В период гражданской войны среди виднейших деятелей приходских советов и других более крупных религиозных объединений можно было видеть характерные фигуры «бывших людей». «Воспылав любовью» к религии, все эти Самарины, Шенны и им подобные старались и без того «правый курс черносотенного церковного корабля сделать еще более правым. Весьма многие из этих «обращенных» надели на себя церковные одежды. При полной поддержке Тихона эти «бывшие» в течение самых коротких сроков с успехом проходили различные должности церковной иерархии и в конце-концов получали видные места. Как видим, остатки эксплуататорских классов, в соответствии со своими классовыми целями, создали своеобразную форму религиозного «выдвиженчества».

Следует помнить также, что отношение к голоду бежавших за границу белых эмигрантов, светских и церковных, было вполне определенным. Для этих сил голод 1921 г. был новым козырем, при помощи которого можно было надеяться выиграть игру. Ниже, в главе о Карловицком соборе, мы увидим, как откровенно и нагло играли этим козырем, чтобы ценою мучительной смерти миллионов свергнуть советскую власть и восстановить господство помещиков и капиталистов. Собор состоялся в Сербии в ноябре—декабре 1921 г. и дал директивы о восстановлении в России власти Романовых и о необходимости использовать голод для разгрома революции.

¹ В письме активной участницы черносотенного движения М. Кацауровой на имя Тихона, написанном во время мировой войны, говорилось: «Вы всегда сочувственно относились к союзной деятельности, вы сделали для нашего союза больше чем кто-либо»... Когда Тихон 24 января 1914 г. приехал в Вильно, ему была поднесена тарелка с почтительной надписью от всех местных черносотенных организаций.

В такой обстановке политическая линия Тихона и других церковных заправил, как и всегда в таких случаях, соответствовала общей позиции контрреволюции.

Но роль Тихона была значительно сложнее. Находясь на территории советской власти, было не совсем удобно выбросить знамя откровенной монархической реставрации, было неудобно открыто провозгласить свои надежды на голод. Отсюда вывод: Тихон должен был вести более тонкую игру, лицемерить и лгать. Так и было в действительности.

Летом 1921 г., когда уже выяснились перспективы великого бедствия и надо было принять соответствующие меры, патриарх Тихон в переговорах с представителями советской власти выдвинул ряд требований. Цель этих требований заключалась в том, чтобы получить ряд привилегий, в корне нарушающих основные советские законы. Церковники желали, чтобы церковь на территории советской власти стала государством в государстве.

Что же касается масс, то по отношению к ним проводилась политика обмана. Церковь хотела показать, что она якобы стремится помочь голодным. С этой целью за подписью Тихона было издано «воззвание о помощи голодающим». Обращаясь к попам, воззвание предлагало им «звать народ к покаянию» и усиленно молиться, чтобы «исторгнуть прощение согрешившей земле». Смысл был тот, что трудящимся следует каяться в «революционных прегрешениях», за которые, дескать, и послан голод. Указание на «согрешившую землю» тоже имело реакционный смысл.

По адресу населения были такие многозначительные строки:

«...Паства родная моя! В годину великого посещения божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоем светлые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в години тягчайших бед собиравших своей беззаветною верой и самоотверженной любовью во имя престола духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь»...

Указание на «деяния благочестивых предков» и на русскую мощь звучало вполне определенно. За ширмой двусмысленных и лицемерных слов был призыв к реставрации старых, разбитых революцией «порядков».

Используя это воззвание, духовенство выполняло двойную работу. С одной стороны, демонстрировалось «сочувствие» церкви голодающим, а с другой стороны, шла агитация за действия антисоветского характера.

Но это воззвание широкого распространения все же не получило, хотя и было отпечатано в количестве 200 тыс. экземпляров. Значительная часть этих обращений так и осталась лежать на складах московского храма «христа-спасителя». Очевидно даже такой двусмысленный призыв «помочь голодным» церковные проповедники считали не вполне целесообразным.

9 декабря 1921 г. постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета всем религиозным организациям было разрешено производить сборы в пользу голодающих. И действи-

тельно, во многих церквях эти сборы производились. Была даже специальная инструкция о производстве и отчетности церковных сборов, проект которой к концу 1921 г. был составлен тихоновским церковным управлением, причем, в соответствии с порядками старого режима, его «благословенно украсили» везде, где следует, буквой «ять». Соответствующая инструкция была утверждена Центральной комиссией помощи голодающим.

Однако жестоко ошибется тот, кто на основании сказанного подумает, что церковь «помогала голодным».

Сборы-то действительно производились, но голодным они не поступали. Никаких сведений в ЦКПГ не посылались. Даже в феврале 1922 г. от церковников не смогли добиться соответствующих данных. «Судьба лепты верующих, — заявляли «Известия», — темна и загадочна, как история мидян». На самом же деле на основании фактов церковной практики видно, что эти сборы прилипали к поповским рукам. Вновь оправдывалась поговорка, что «поповские руки загребущие». Насколько чисто работали духовные пастыри, видно из того, что таким путем они убивали не только двух, но сразу трех зайцев. Во-первых, совершался обман масс верующих, которые видели сборы денег в церквях и следовательно могли думать, что духовенство «помогает голодным». Во-вторых, воровство денег, т. е. лишение голодных хлеба, являлось «классовым подвигом», так как таким путем толкали в могилы новые трупы и увеличивали страдания живых. Как раз это-то и было нужно международному империализму и церковному руководству для усиления разрухи. Наконец, в-третьих, прикармливание денег было делом весьма прибыльным. Старая поговорка говорит, что «с мира по нитке — голому рубаха», а церковная практика создала другое положение: «с голодного по корке, попу слобная булка». Но такова сила религиозного обмана, что церковные воры и убийцы оставались в глазах обманутого ими «стада» «невиновными» и «чистыми».

Впоследствии, когда в печати появились обращения рабочих, крестьян и красноармейцев с просьбой издать закон об изъятии церковных ценностей, церковный центр сначала молчал, одновременно готовясь к решительной борьбе. Однако долго молчать было неудобно.

Ввиду этого Тихон выступил с новым обращением, где говорилось, что верующие должны помочь голодным. Относительно участия самой церкви в помощи голодным тут были такие строки:

«...Учитывая тяжести жизни для каждой отдельной крестьянской семьи вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится церковное имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерельев и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим».

Конечно эта помощь была не реальна, не серьезна.

Характеризуя это обращение, т. Красиков в журнале «Революция и церковь» писал:

«Высшая иерархия в лице Тихона вынуждена была тоже выступить, но выступила конечно по возможности сдержанно и казенно, с лицемерной ссылкой на писание, глухо рекомендуемое христианам быть такими же милосердными, как сам бог (а бог в смысле милосердия — большой политик. Само воззвание Тихона напоминает очень прозрачно, что самый голод это дело его рук).

Из текста писания оказывается, что милосердие бога по отношению к умирающим от голода нашим согражданам ограничено только теми предметами из золота и серебра, кои не входят в число вещей, составляющих канонически как бы собственность самого бога, а принесены частными лицами для подвешивания к иконам с какими-то магическими целями. (Специалисты говорят, что чаще всего вешают на иконы свои колечки, брелочки, браслетки юные девицы и кавалеры, а иногда больные в благодарность за оказываемое им иконой содействие в их личных делах). Впрочем, извиняюсь, милосердие, равновеликое божественному, внушило патриарху Тихону не пожалеть для умирающих еще кое-какой лом, валяющийся без надобности в церковных чуланах (так и написано: лом). Разрешено, повидимому в строгом согласии с неизвестными, к сожалению, нам каноническими правилами, извлечь его из пользования групп верующих. Зато самим верующим из собственного жалкого имущества, имеющим две смены белья (а много ли таких бессовестно богатых?), рекомендуется отдавать одну смену в пользу голодающих.

Вам, читатель, быть может, смешно или горько? Прочтя это казенное, вынужденное, выжатое из высшей иерархии пролетарским и крестьянским общественным мнением послание, я тоже изумился, ибо не ожидал такого откровенного выступления в пользу охранения от голодающих мертвого церковного капитала».

По поводу этого послания Тихона и беседы с представителем патриарха при ЦКПГ «Известия» сообщали:

«Глухие и немые к народному горю церковные «сановники» наконец ответили. Представитель патриарха при ЦК Помгол прот. Н. В. Цветков сотрудникам советской прессы сообщил:

— Церковь не может отдать для спасения голодных то золото и серебро, которое вложено в священные предметы. Но церковь может отдать: подвески к ризам, сломавшиеся венчики, дутые браслетки и медальоны, старую священнослужительскую одежду, из которой можно выжечь золото и серебро.

В этом смысле, по словам Цветкова, патриарх уже готовит новое воззвание к народу.

Итак, к делу спасения голодных церковь в лице своих «князей» подошла с обычным дьявольским спокойствием и расчетцем.

Многопудовая серебряная рака «сионская горница», в которую вложено четверть пуда золота и около пуда серебра,

дорогая риза с ярко горящими на ней бриллиантами—это святыня, табу, которое, по слову жесткого патриарха трогать нельзя даже во имя спасения миллионов человеческих жизней.

И на святыне — подвеска к ризе, медальончик, обретенный в церкви подслеповатой «божьей» старушкой, брава слетка старой «благочестивой» девы, потрепанная поповская энтрахиль, из которой, хоть двадцать лет жгите ее на сорока специально для сей цели оборудованных заводах, не выжжете и одной доли золота и серебра.

За пять лет революции в церкви, очевидно, еще ничего не поняли и ничему не научились. Ханжи и лицемеры в рясах остались все теми же. И сквозь лиловую мантию выглядывает прежде всего алтынник и аршинник, а потом уже поп.

— Пожертвовать на голодных?! Моги́м,—сказали купцы и торговцы Рогожского района в Москве и собрали промеж себя три пятиалтынных и несколько пудов капусты.

Ответ «милосердных» представителей «христианской любви» не лучше.

Они отслужили «за здравие» голодных сорок обеден, составили и сейчас читают в своих храмах особые моления об «умягчении» в деле помощи голодным людским сердцам, а когда дело коснулось и х помощи, и х жертв, «умягчения», и х заскорузлых сердец — они решили откупиться ломаным грошом, тем церковным «барахлом», которое возьмет едва ли каждый старьевщик¹.

В это же примерно время группа ходяков из голодающих местностей, гг. Румянцев, Киселев, Денисов, Абрамов и Терентьев, обратилась к Тихону с просьбой о передаче церковных ценностей для ликвидации голода. При этом ходяки указали ему, что в прежние времена цари и князья многократно брали церковные ценности. В ответ на это указание Тихон ответил крестьянам с хитрой улыбкой буквально следующими словами: «Цари брали, да давали».

Этот ответ ярко иллюстрирует отношение церковного руководства к голоду. Оказывается, все дело в том, кому дать. Царям возможно, а трудящимся нельзя. Пойти навстречу эксплуататорским классам необходимо, а спасти от мучительной смерти тех, чьим трудом были созданы эти ценности, — вот это невозможно.

Однако, в связи с массовыми решениями трудящихся об изъятии ценностей, занимать двулично-лицемерную позицию было нельзя. Тогда-то и появилось знаменитое обращение Тихона о недопустимости изъятия церковных ценностей.

«Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольные пожертвования, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею, как святотатство, мирянам — отлучением от нее, священнослужителям — извержением из сана».

¹ Журн. «Революция и церковь» № 2 за 1922 г. Статья «Хотят отделаться нягаком».

Ссылка Тихона на так называемые каноны (церковные законы) была самой явной ложью. В действительности никаких законов, запрещающих государственной власти использовать церковные ценности, не было. Иначе и быть не могло, так как православная церковь, так же как и другие церковные организации, верно служила государственной власти, и в силу этого не могло быть законов, которые были бы направлены против государственной власти.

Поэтому-то впоследствии во время процессов никто из церковников даже не мог привести соответствующих канонов, а если и приводили, то с такой натяжкой, что их было не трудно разоблачить.

Указание, что изъятие есть святотатство, т. е. воровство, тоже было лживым выпадом, так как еще декрет от 23/1 1918 г. объявил церковные богатства собственностью трудящихся. Что же касается угрозы отлучить от церкви, то цель понятна — возбудить массы верующих против советской власти.

Этим же целям служили и другие фразы тихоновского послания.

В одном из посланий была например такая фраза:

«Лишь одного желаем, чтобы эти пожертвования действительно оказывали помощь голодающему брату нашему». Тут имеется самое явное указание, что, дескать, церковное имущество может быть использовано по другому назначению: не голодным, а еще куда-то.

Впоследствии такую агитацию и вели: попы и белогвардейцы заявляли, что изъятие ценности пойдут комиссарам, пойдут на брошки, кольца и т. д. и т. п.

15 марта в «Известиях ВЦИК» была напечатана беседа сотрудника «Известий» с патриархом Тихоном. Здесь можно видеть яркий образец тихоновского лицемерия. Прежде всего Тихон счел нужным указать, что отношение церкви к голодающим определяется заповедью Христа об отдаче бедным одной из двух рубашек. Опять-таки Тихон заявил, что отдавать возможно лишь подвески и старый серебряный лом. Тут же было высказано подозрение, что изъятие согласно декрету от 22 февраля церковные предметы «могут служить кощунственным целям». Количество церковных ценностей и их стоимость, по словам патриарха, настолько незначительны, что «на практике намеченная мера не даст ожидаемого результата».

И в заключение Тихон отметил, что ввиду исторической ценности многих церковных предметов КПГ следует сохранить значительную часть изъятого, а не использовать эти предметы для покупки хлеба.

Не правда ли, хорошие директивы давались здесь для всех маленьких Тихонов по всем епархиям. Зная, что пастыри духовные усиленно прячут и воруют ценности, Тихон выражает мнение, что изъятие не даст достаточных результатов. А в конечном счете под предлогом «исторической ценности» был дан совет не использовать для голодных значительную часть взятого в церквях.

Послание Тихона о недопустимости изъятия нелегально было отпечатано и разослано во все города. Здесь его переписывали, размножали, оглашали с амвона и раздавали прихожанам.

Показаниями епископа Филиппа на смоленском процессе было установлено, что это послание распространялось из Москвы целыми пачками.

Так, например, епископу Филиппу проф. Успенский по поручению Тихона передал около 20 экземпляров тихоновского обращения.

Тут же были готовые образцы протестов верующих против декрета.

Каковы были цели этого документа?

Дело ясное и бесспорное. Таким путем Тихон и его прислужники желали вызвать ряд восстаний против советской власти. Они надеялись, что в существовавших тогда условиях советская власть будет свергнута и воцарится столь дорогой им помещичий строй.

Руководящую роль в этом направлении, как и везде, играли местные архиереи.

26 марта 1922 г. в «Известиях ВЦИК» была напечатана заметка такого содержания:

«Винница. 24 марта. В беседе с сотрудником местных «Известий» епископ Амвросий сказал, что «православная церковь не может остаться глухой к ужасам голода. Однако сей духовный отец выработает обращение к верующим только по получении директив от своего церковного центра. Если уже такой момент наступил,—сказал далее епископ,—то часть церковных ценностей должна быть отдана. Впрочем, — добавил он, — большими богатствами церкви Украины не обладают».

Какие директивы давало церковное начальство, мы знаем. Тихоновские директивы местные епископы старательно выполняли и сами выпускали соответствующие обращения. Так, например, епископ Павел Колосов из города Елисаветграда издал послание, в котором заявлял, что советская власть из церквей желает взять «святыни, чтобы только поглумиться над ними и их оскорбить» («Наука и религия», № 12, 1922 г.). Впоследствии во время процесса этот черносотенный зубр объяснил, что это послание было издано, так как он «болен, что у него помрачение мозгов». Но это «помрачение» имело определенный классовый характер. При Деникине этот же епископ Павел развернул широкую контрреволюционную кампанию. Он служил торжественные молебны «о даровании победы христолюбивому воинству», призывал жертвовать деньги деникинцам на организацию борьбы с Красной армией и т. д. и т. п.

Такую же позицию занимали и другие руководители православной церкви.

Мучения голодных и кровь темных фанатиков были для них лишь новым средством достигнуть желанных целей — свержения и гибели советской власти.

Карловицкий собор и отношение к голоду заграничных церковников и белой эмиграции

Организуя борьбу с изъятием ценностей и стараясь таким путем воткнуть нож в горло трудящихся нашей страны, тихоновское руководство тем самым выполняло заказ и директивы заграничной белогвардейщины, заграничных попов.

По окончании гражданской войны, после разгрома врангелевских банд, беглое духовенство в большом количестве оказалось за границей. Значительная часть этой публики собралась в балканских странах, а остальные разъехались по различным капиталистическим государствам. Руководящий церковный центр южной контрреволюции — «Временное высшее церковное управление на юго-востоке России» — после занятия нашими частями Крыма тоже перебрался в Константинополь, а отсюда на Балканы. С благословения восточных патриархов, в частности вселенского патриарха Григория, врангелевские попы образовали «Всеамериканское высшее русское церковное управление». Этот-то церковный центр и являлся руководящим органом православной религиозной контрреволюции в капиталистических странах. Его состав свидетельствует о классовом лице. Главную руководящую роль играли такие «орлы» царской России, как митрополит Антоний, архиепископ Евлогий, архиепископ Анастасий и т. д. В былые годы вся эта публика играла крупную роль в церковно-черносотенном движении, в период гражданской войны они руководили антисоветской деятельностью духовенства и содействовали интервенции, а теперь они составляли новые и новые планы разгрома Советской России.

Переселившись за границу, эта банда церковных погромщиков «поделила мир». Были образованы различные епархии: «парижская», «берлинская» и т. д. Во всех местностях, где было скопление белых эмигрантов, организовали приходы и «приходские советы».

Такие лица, как граф Граббе, Марков 2-й, граф Бобринский, граф Апраксин и тому подобные «подвижники», в этих советах играли видную роль наряду с православными попами. А руководство всей этой религиозно-политической организацией принадлежало «Всеамериканскому высшему русскому церковному управлению», находившемуся при «особе» неудачного «железного барона» Врангеля.

Одно к одному.

Патриарх Тихон поддерживал связь с заграничным эмигрантским центром, посылал свои благословения и в лице указанного управления имел свое официальное представительство.

Церковная и нецерковная эмиграция, выброшенная железной метлой революции за границу, пылала ненавистью к советской

власти и к трудящимся нашей страны, решившим строить жизнь без господства эксплуататорских классов.

Вся эта публика спала и видела, как бы вернуть старые кбальные порядки, когда за счет беспощадной эксплуатации ма можно будет кататься, как сыр в масле.

Какова была идеология белой эмиграции, можно видеть п таким образцам «поэзии».

Вот что писал например Бунин:

О, слез невыплаканных яд!
О тщетной ненависти пламень!
Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, блудница, новых чад,
Рожденных в лютые мгновенья
Твоих утех в наших мук.
Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья!

Вот когда пригодился библейский текст о необходимости раздроблять головы младенцев о камень! Орудие убийства («разящий лук») стало «блаженным», а злобная месть выброшенная за границу советской территории эксплуататоров становится в их мечтах «святым мщением», и эта месть «имеет» на себе господнее благословение.

Как и полагается, господь бог мобилизован для борьбы с большевиками.

Поэт Бальмонт тоже воспевал «святую ненависть»:

Мы верим. Пламя нашей веры
Замглилось вождельнем мести.

Прислужники «обиженной» буржуазии не мало строк посвятили мечтам о... виселице:

Я не боюсь, что все Наполеоны
Зальют свинцом разинутые рты.

Их шопот будет бледен и нескладен.
Но он внесет ненужность суеты
В то жественнос в безмолвных перекладин
Под небом величавой пустоты.

(Дон Аминадо — „Любители бескровной и святой“.)

А в произведениях Гиппиус были такие вполне определенные предложения:

Как ясен знак проклятый
Над этими безумными,
Но только в час расплаты
Не будем слишком шумными.
Не надо к мести зовов
И кликов ликованья:
Веревку уготовив,
Повесим их в молчаньи.

Бог и веревка были призваны работать сообща. Только вся беда была в том, что руки оказались коротки.

Голод 1921 г. оживил надежды этих политических мертвецов. Осенью 1921 г. было решено созвать в одном из сербских городов церковный собор. «Карловицкий собор, — пишет Брянчани-

нов, — должен довершить до конца дело, начатое в 1917 г. на Московском церковном соборе»¹. Назначение собора было в том, чтобы наметить формы церковной деятельности за границей, разрешить ряд вопросов из жизни белой эмиграции и изыскать новые методы борьбы с советской властью. Впоследствии в отчете о Карловицком соборе церковное руководство было названо «органом центральным и высшим по борьбе за справедливый правовой порядок с обманно-гибельными мечтаниями социализма». С точки зрения церковных пастырей «справедливость» как раз заключается в том, чтобы покрепче сидеть на шее угнетенных.

Вот этот-то Карловицкий собор и показывает нам подлинное отношение церковников к голоду. Руководителем и председателем собора был митрополит Антоний, называвший себя «временно заменяющим церковного пастыря православной России, патриарха Тихона». Позиция собора в точности соответствовала надеждам Рябушинского, заявившего, что «костлявая рука голода задушит советы в России».

Занятия собора продолжались с 21 ноября по 5 декабря 1921 г. Классовый состав собора соответствовал его целям. Здесь было 13 архиепископов и епископов, руководивших антисоветской деятельностью духовенства в годы гражданской войны (митрополит Антоний, митрополит Платон, архиепископ Анастасий, архиепископ Евлогий, епископы Михаил, Александр, Вениамин и т. д.); тут была целая плеяда царских чиновников и генералов (бывш. царский министр Трепов, князь Ширинский-Шахматов, бывший оберпрокурор синода Волжин, генерал Батюшков, генерал Солнцев, генерал Архангельский); здесь блистали своим «авторитетным присутствием» такие деятели старого режима, как Марков 2-й, князь Львов, граф Граббе и т. д. и т. п.

Этот состав представителей «святой православной Руси» уже сам говорил за себя. Такая публика собралась не зря. Ее прошлое, ее классовая физиономия, ее роль в истории угнетения трудящихся нашей страны — все это свидетельствует, что такое черносотенно-погромное собрание могло соответствовать лишь самым зловонным вождениям белой эмиграции. Но на всей работе была «святая печать» церковности. Ведь это был церковный собор, выражавший вместе с тем вполне откровенные стремления ничем не стесненных духовных отцов.

Как и полагается, собор разделился на ряд отделов: хозяйственный, судебный, духовного возрождения России и военно-церковный. Широкие планы имели духовные пастыри. Они не оставляли своим вниманием и таких вопросов, как религиозная работа после победы над советской властью. Самым важным конечно был военно-церковный отдел. Его задача — разрешить ряд проблем в связи с подготовлением нового нападения на Советскую Россию.

Относительно большевизма собор принял решение «осудить лжеучение социализма и наиболее последовательную форму его —

¹ „О задачах Карловицкого собора“.

большевизм, или коммунизм, как учение антихристианское в своей основе».

Вполне откровенно планы собора были выражены в его послании, где говорилось о необходимости восстановить власть Романовых.

Последние строки гласили:

«...И да осенит господь сердце народное, да вернет он и всероссийский престол помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых».

Из своих средств собор решил ассигновать особые суммы на печатание и посылку этого послания в Советскую Россию. Кстати сказать, средства церковников составлялись из подачек Врангелю (между прочим значительные суммы были выручены Врангелем за украденные во время гражданской войны церковные ценности проданные потом за границей), а также из подачек иностранно буржуазии.

«Карловицкий собор, — пишет Брянчанинов, — был единственным признанием того, что царь необходим для спасения России и церкви от рук изуверов и убийц.

Большинство собора разделило точку зрения члена высшего монархического совета Н. Е. Маркова, настаивавшего на включении в обращение собора к русским беженцам за границей упоминания о законном царе из дома Романовых».

Подобное решение церковного собора вполне соответствовало господствовавшим среди эмигрантов монархическим тенденциям.

Вот например, в сборнике «София», посвященном «проблемам духовной культуры и религиозной философии», изданном профессорами берлинской религиозно-философской академии по редакцией Бердяева, были такие рассуждения о неразрывности церкви и самодержавия:

В статье Карсавина говорилось:

«Царь—помазанник божий и глава церкви в эмпирическом бытии ее. Царство благословляется православием, как наилучшая власть из всех на земле возможных».

«Понятно, крушение самодержавия, исторически связанного с русской церковью, вполне правильно почитаемое ею за лучшую из возможных религиозных форм государственности, было катастрофой и для церкви. Церковь не должна была отнестись к этому факту равнодушно, как ранее равнодушно относилась к тому, что жизнь шла мимо нее, и своей церковности не осознавала. Церковь должна была указать что невозможно русское неправославное государство и что нелепо государство православное с президентом, парламентаризмом и четырьмя хвостами, более приличествующими врагам Божиим, что немислимо наконец отделение церкви от государства. И в создании всего этого — глубокая правда монархических течений в среде самой церкви: вожделений о царе и призывов к царству».

Как видим, эмигрантская буржуазная интеллигенция ставила вопрос совсем ясно: «давай царя — никаких больше». Для них без помещичьего господства — и жизнь не в жизнь.

Редактор сборника Бердяев высказывал следующее положение:

«Священная русская монархия пала потому, что она потеряла религиозную мистическую точку опоры в церкви».

И вот теперь-то и решили «всерьез и надолго» восстановить эту «точку». Политические мертвецы цеплялись за призраки прошлого и надеялись, что история повернет свой ход обратно.

В этом предполагаемом возврате к прошлому на голод были вполне ясные надежды.

В резолюции собора по поводу Генуэзской конференции и того года в Советской России были высказаны следующие слова:

«Пусть подумают вершители судеб человечества, какое гибельное оружие дают они в руки всех преступных, аморальных и безрелигиозных элементов своего населения, если всемирная конференция, заменившая теперь совет королей и папы, введет в свою среду убийц и цареубийц. Если на конференции или после нее выяснится, что большевистская власть в России признана полноправной, то в одном государстве за другим начнутся большевистские перевороты, которые, как известно, настойчиво готовятся III Интернационалом среди всех народов. Неудача этих переворотов или замедление в достижении ими полного успеха зависит: 1) от непризнания большевиков всеми правительствами и 2) от страшных бедствий голода, холода и эпидемий».

Таким образом собор считал нужным запугать иностранных капиталистов возможностью революции, если они признают советскую власть.

Тут же открыто высказаны надежды церковников, каким путем, по их мнению, можно добиться уничтожения советской власти: а именно путем «страшных бедствий голода, холода и эпидемий».

Более откровенно, более нагло выразить свое отношение к Советской республике, к страданиям миллионов трудящихся было невозможно. Программа ясна: продолжайте блокаду, не пропускайте хлеба, не давайте медикаментов, — пускай сила «страшных бедствий» сломит революционные силы. Здесь было замечательно то, что планы беспощадного удушения трудящихся СССР церковники высказали с исключительной ясностью и отчетливостью.

Это обращение одновременно давало директивы православному духовенству, находившемуся на территории советской власти. По этим директивам нужно было не только не помогать ликвидации голода, но наоборот, делать все возможное, чтобы обострить создавшееся положение. Пускай в паутине чудовищных бедствий будут замучены миллионы людей; пускай свирепствуют холера, тиф, чума; пускай замерзнут голодные люди, — но зато удастся достигнуть желанной цели: на трупах побежденных, на могилах детей, на разорении страны — воздвигнуть вновь господство эксплуататорских классов.

Погибнут миллионы! Это неважно, важно то, что на их могилах можно будет построить гигантский храм эксплуатации.

Они надеялись, что коса смерти снимет хороший урожай для будущего владычества угнетателей.

В Советской России говорить откровенно было нельзя. Как сказать голодным, что им нужен камень, а не хлеб! Ведь сила религиозного обмана — в прикрытии истинного содержания смысла религиозной работы. В Советской России нужно было лицемерить, а здесь «смыты краски и смыты румяна». Религиозная проститутка выступила без всякой маски.

Эта отвратительная работа продолжалась и дальше. Белые эмигранты вместе со своими попами всячески старались сорвать помощь голодным. Парижские монархисты обратились к американскому послу с просьбой о прекращении деятельности «АРА», чтобы голодных не кормили «потому, что голодный народ, — заявляли они, — скорее взбунтуется против большевиков».

15 августа 1922 г. по случаю убийства Рагенау в газете «Новое время» было напечатано «Письмо из Таганрога», где говорилось:

«Ах, как приятно читать, что в Германии идут еврейские погромы и уже убивают еврейских министров. Доживем ли мы до этого?»

«Во время голода, — пишет Бобрищев-Пушкин, — все эмигранты сошлись в более или менее иезуитских подходах, чтобы сорвать помощь голодающим, так что получили от Нансена отповедь: «Если эмигранты находят, что не надо кормить голодающих в России, то не надо кормить их самих». Антоний оставил за границей собранный для голодающих, преимущественно среди сербов, миллион динаров, узнав об аресте патриарха Тихона, потому что-де некому теперь передать в Россию этот миллион. Бурцев не без успеха агитировал за то, чтобы деньги, собранные для голодающих в России, пошли на эмигрантов вопреки воле жертвователей, потому что в России они «капля в море», а для эмиграции большая помощь. Та же эмиграция, обвиняя безосновательно советскую власть в присвоении таких пожертвований, на самом деле публично признавала такие растраты — и еще хвалилась этим в своей печати».

Удивляться тому, что попы воровали и гордились этим, конечно не приходится. Такая уж профессия. Как говорится, им «бог велел».

Сообщение о деятельности митрополита Антония заслуживает особенного внимания. На самом деле миллион динаров с обманутых сербов был собран с целью дать материальную базу для тихоновской контрреволюции. А после, когда дело лопнуло, Антоний вместе со своими приятелями стянул этот миллион. Само собой разумеется, кое-кому из своих церковных друзей Антоний из этой суммы кое-что уделил. Перепало и начальству. А остальное присвоил.

Этим фактом Антоний может гордиться.

Этому пастырю духовному, и теперь раздуваемому за границей кадило контрреволюции, можно сказать известными стихами Некрасова:

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть:
Знаю, с неба тебе все свалилось
За твою добродетель и честь.

Антоний — один из многих. Его православные собраты в Советской России тоже воровали у голодных.

Те и другие — едино суть.

Знало ли православное духовенство, находившееся на территории советской власти, о решениях и планах Карловицкого собора?

Конечно прекрасно знало.

Ведь патриарх Тихон не зря посылал приветствия заграничному духовенству. Сведения о соборе были опубликованы в наших газетах. Эти данные свидетельствовали, к чему стремилась на самом деле церковь, о чем она мечтала вслух.

В те дни ни один представитель духовенства в Советской России не считал нужным отмежеваться от решений Карловицкого собора. Раскол, как мы знаем, появился позднее.

Линия поведения духовенства в дни изъятия, как увидим, вполне соответствовала директивам международной буржуазии и решениям Карловицкого собора.

VI

Церковный фронт против голодных

Декрет об изъятии ценностей был опубликован в «Известиях ВЦИК» 26 февраля 1922 г., а инструкция о порядке работ — 28 февраля. В соответствии с указаниями инструкции, начиная с первых чисел марта, организованные на местах комиссии приступили к работе.

Голод не ждал. Каждый день промедления угрожал новыми муками миллионам голодающих.

Общая позиция церкви по отношению к советской власти наглядно свидетельствовала, что каждый малейший промах в процессе изъятия будет немедленно использован в интересах контрреволюции.

В соответствии со сложностью обстановки работа по изъятию организовывалась с исключительной тщательностью, производилась в присутствии церковников и представителей групп верующих. Как общая линия деятельности, так и отдельные мероприятия не давали церковникам никакого конкретного материала для антисоветских выпадов и разжигания фанатизма в целях организации борьбы.

Однако с первых же шагов было обнаружено, что церковники в связи с изъятием ведут контрреволюционную агитацию. Это не были единичные факты. Наоборот, здесь имела место целая кампания борьбы, проводившаяся планомерно и систематически, с вполне ясными целями сорвать изъятие, помешать

ликвидации голода, увеличить разруху, использовать религиозные предрассудки для усиления антисоветского движения, для свержения советской власти.

Впоследствии, уже после ряда процессов привлеченных к ответственности церковников, эта система церковной «работы» на основании многих фактов была охарактеризована в тезисах М. ВКП(б) следующим образом:

«Процессы обнаружили, что всюду сопротивление и приемы агитации масс велись по общему, хитро разработанному плану:

1) чтение и распространение по епархии воззвания Тихона:

2) организация публичных собраний для обсуждения вопроса о том, следует ли сдавать ценности, — на этих собраниях иерархии было предписано по возможности держаться в стороне;

3) обсуждение и составление писем и обращений якобы в различные органы советской власти, с протестами и различными возражениями и ультиматумами, и распространение среди обывателей этих обращений в виде копий якобы с официальных, якобы легальных документов;

4) распространение слухов о том, что золото и серебро требуется на содержание армии и на войну, и затем ультимативное требование гарантии, что ценности будут израсходованы под контролем самого духовенства;

5) прямое похищение и сокрытие ценностей или симуляция ограбления храма бандитами.

Все эти приемы имели единственную цель взбудоражить как можно более широкие темные массы и довести их до состояния фанатизма и прямого сопротивления изъятию, приостанавливаясь перед звоном в набат и избиением комиссии милиции и т. д.».

Для выявления конкретных форм церковной работы стоит вспомнить ряд наиболее видных процессов церковников.

1

Борьба с изъятием ценностей в Ленинград

Типичный пример для характеристики отношения церковников к голоду дает нам Ленинград. За время с 10 марта по 2 мая здесь возникло 41 дело о сопротивлении изъятию, переданных в революционный трибунал.

Тщательное расследование наглядно установило, что борьба была организована по всем правилам искусства. Заодно и вместе с поповской организацией действовало объединение приходских советов, во главе которого стоял профессор уголовного права Новиковский, а среди членов видную роль играли бывший член Государственной думы присяжный поверенный Козинаров и член Государственной думы, принадлежавший к фракции национа-

тов, Шенин, после революции сменивший фрак на рясу и ставший архимандритом. При всех церквях были созданы приходские ячейки, члены которых вели контрреволюционную агитацию, распространяли антисоветские обращения митрополита Вениамина, организовывали сопротивление и помогали полам прятать ценности.

В исторической последовательности заслуживают внимания следующие факты.

Вскоре после издания декрета, в последних числах февраля, митрополит Вениамин на собрании в лавре произнес речь контрреволюционного содержания с призывом противодействовать изъятию ценностей. 5 марта по окончании богослужения, по инициативе Вениамина, в алтаре Исаакиевского собора было созвано совещание для обсуждения вопроса о мерах борьбы с изъятием ценностей. 6 марта было созвано второе совещание. С целью «спрятать концы в воду» протокола не вели. В общем такого рода собрания созывались неоднократно и в помещениях церквей и частных квартирах. Руководящая роль, помимо Вениамина, принадлежала также некоторым другим церковникам и правлению советских приходов во главе с прот. Новицким.

По отношению к советской власти было решено проводить политику обмана, отсрочек и всеми способами водить за нос советских представителей. Относительно населения решили проводить кампанию подготовки масс к активному сопротивлению и борьбе.

«Кадетские и белогвардейские юристы и канонисты, — пишет т. Красиков, — во главе с Вениамином, прибегли к остроумному, как им казалось, способу. Они составили довольно наглое обращение в комиссию Помгола с ультимативным требованием: представить доказательства, что все иные меры (помимо изъятия церковных ценностей) правительством исчерпаны; потребовали гарантии, что ценности пойдут исключительно на голодающих, и в-третьих, поставили чудовищное по своей наглости требование получить благословение на изъятие от самого патриарха (это после того-то, как он опубликовал свою анафему). В этом послании заговорщики сочли необходимым привести в заключение тихоновскую каноническую угрозу анафемы за участие в принудительном отобрании церковных ценностей и выполнение декрета определили как акт кощунственно-святотатственный, за который миряне отлучаются, а священнослужители извергаются из сана. Не дожидаясь никакого ответа от Помгола (не в ответе было дело!), заговорщики тотчас же распространили это воззвание по приходам, и оно прочитано было почти во всех благочиниях.

Таким образом, митрополичьи юристы и канонисты назвали якобы легальный способ пустить в обращение среди масс свою прокламацию»¹.

Получив это обращение, представители Ленинградского со-

¹ «Революция и церковь», 1923 г. № 1 — 3.

вѣта попросили митрополита Вениамина притти в Смольный для переговоров. Вениамин явился в сопровождении проф. Новицкого и присяжного поверенного Ковшарова. В итоге переговоров он отказался от первого и последнего требований, а относительно контроля попов представители советской власти дали свое полное согласие.

Таким образом дело как будто уладилось.

На самом деле церковники и стоявшая за их спиной кадетская партия вовсе не желали уладить дело. Поэтому 12 марта из комиссии Помгола они отозвали своих представителей, а Смольному был послан новый ультиматум, еще более наглого содержания. Тут было требование учредить самостоятельную церковную комиссию Помгола, тут указывалось, что со стороны церкви возможны лишь добровольные пожертвования, и наконец говорилось, что вопрос может быть разрешен положительно лишь в случае изменения патриархом Тихоном своего взгляда на допустимость изъятия. Все это подкреплялось угрозой объявить изъятие ценностей грабежом и поднять массы против советской власти.

Это выступление показало действительную политику духовенства и стоящих за ним группировок. Опять-таки, так же как и первый раз, поповское обращение было распространено многочисленных копий среди духовенства и населения.

Подготовка прихожан дала богатые плоды.

«15 марта у Казанского собора скопляется толпа в несколько сот человек, распространяемая против действия изъятия церковных ценностей, раздавались призывы к избитию комиссии.

16 марта возле церкви Спаса на Сенной, у Сенного рынка скопляется толпа, преимущественно торговцев и хулиганов. Ведется усиленная агитация против изъятия церковных ценностей, против советской власти, произошли избития милиционеров и граждан, пытавшихся путем разумных увещаний и разъяснений воздействовать на толпу. Для ликвидации беспорядков были вызваны войска.

26 марта у церкви Рождества та же картина: толпа, агитация, причем в пришедшие для охраны войска бросали камни.

30 марта у Знаменской церкви собралась толпа, которая рассеивалась в течение 3—4 часов. причем велась черносотенная агитация. Представители милиции избиваются.

14 апреля у Иоанновского монастыря толпа бомбардирует камнями членов комиссии. Часть толпы, вооруженная железными болтами, врывается в кельи, проникает на колокольню, раздается набат, чинятся насилия и расправа над членами комиссии; порядок восстанавливается войсками.

Того же числа у церкви Скорбящей божьей матери бушует толпа, около пятисот человек, члены комиссии избиваются камнями.

21 апреля у собора князя Владимира на Петроградской стороне толпа чинит насилия над членами комиссии, всячески

их оскорбляет, препятствует работам и растаскивает изъятые ценности.

26 апреля у церкви Покрова на Боровой улице такое же уличное скопище, те же черносотенные лозунги, выкрики против изъятия ценностей, поношение советской власти, избивание членов комиссии.

17-го и 21-го у Владимирской церкви скопление толпы, призывы к восстанию.

4 мая у Путиловской церкви бунтовала и бесчинствовала толпа, произошло избивание комиссии, порядок восстанавливают войска.

Черносотенные выступления, скопища у церквей не были случайными явлениями, а носили организованный характер, так как была связующая и организующая рука, проявлявшая свою инициативу¹.

В конечном счете на скамью подсудимых попало 90 виновных, в том числе 65 человек с высшим образованием.

Материалы следствия и разбор дела в революционном трибунале разоблачили всю отвратительную механику организации борьбы. Документально была доказана руководящая роль группы церковников во главе с Вениамином и объединения приходских советов во главе с проф. Новицким. Эта публика не стеснялась лгать. По поводу церковных ценностей были пущены слухи, что они пойдут «на золотые зубы комиссарам», «будут розданы евреям» и т. д. Антисемитская агитация была неизбежной приправой к работе церковных черносотенцев.

Разобрав это дело, революционный трибунал в интересах защиты революции приговорил десять виновных (в том числе и митрополита Вениамина) к высшей мере наказания, а другим были установлены иные виды наказания. Относительно шести обвиняемых ВЦИК принял решение об отмене расстрела.

Это же постановление от 6 июня 1922 года гласило о необходимости «в отношении бывшего патриарха Тихона возбудить уголовное преследование».

2

Неудавшееся восстание и попытка погрома в Смоленске

Широкую известность получили в те дни кровавые события в Смоленске, закончившиеся попыткой погрома. Это дело в августе 1922 г. разбиралось выездной сессией Верховного трибунала.

Так же как и в других городах, подготовительная работа белогвардейцев и попов началась заблаговременно, с последних чисел февраля. В Смоленском соборе был устроен ряд собраний, на которых действия советской власти подвергались резкой, злобной критике и намечались мероприятия борьбы. В частности

¹ Из постановления трибунала по делу петроградского духовенства.

7 марта были заседания совета соборного братства, наметившие на 12 марта созыв обширного собрания в соборе. Докладчиком был намечен инженер Залесский, помещик и дворянин, сыгравший во всем происшедшем крупную роль.

На собрании 12 марта присутствовало около 300—400 чел. Впоследствии пустили слух, что было около 3 000 чел. Антисоветский доклад Залесского был встречен собравшимися с одобрением, так же как и предложенный им проект резолюции. Тут же избрали комиссию из 25 человек, которой было поручено дальнейшее руководство. В комиссию вошли представители почти всех приходских советов г. Смоленска. Эта комиссия выработала окончательный текст резолюции, с протестом против изъятия ценностей и выделила для работы особую подкомиссию.

На этом же совещании было решено собрать как можно больше подписей под протестом. Материалы следствия и показания свидетелей во время процесса установили, что многие подписи собирались «на веру», причем подписавшиеся даже не знали содержания резолюции протеста. Некая Сокольская брала листы чистой бумаги, наверху написала слова: «Собственноручные подписи под ходатайством об оставлении храмовых ценностей», — и на этих-то листах собирались подписи.

Чтобы помешать изъятию, в соборе были установлены особые дежурства, причем дежурившие должны были собрать верующих, чтобы оказать сопротивление комиссии.

Когда 13 марта представители губкомиссии пришли в собор для проверки наличия ценностей, то собравшаяся толпа около 300 чел. не пустила комиссию, и ее членам пришлось уйти. А на следующий день собралось еще больше—около 500 чел., и один из членов комиссии едва спасся от угрожавшей ему расправы.

Какие цели преследовали организаторы борьбы с изъятием помимо того, чтобы сорвать помощь голодным, можно видеть по характеру агитации среди населения и в церквях.

Был пущен слух, что «ценности пойдут на галифе комиссарам и евреям» и что «отобранное золото пойдет Польше». Свидетельскими показаниями было установлено, что 14 марта на собрании в соборе бывший почтово-телеграфный чиновник, сын дьякона, Шукин, говорил, что «ответственные работники обедают и одеваются хорошо, а мы голодаем». Тут же было сказано, что не следует бояться арестов Чрезвычайной комиссии. Усиленную агитацию вел также Борис Домуховский, бывший помещик и потомственный дворянин.

«Бориса Домуховского,—показал свидетель Войтович, на заседании трибунала, — всегда окружала толпа верующих, особенно женщин. Он говорил много нелепостей, например: «Я знаю, господа, один случай в поволжских губерниях: там крестьяне сожгли мощи, и ветер разнес по Поволжью голод. Будет и чума! Погибнут все, кроме верующих, которые внесли себя в списки». Еще он говорил, что в одной пехотной школе курсантам предложили изъять ценности—школа отказалась. Еще он говорил, что надо вести агитацию среди красноармейцев, надо всячески отстаивать ценности».

Свидетельница Лидаг заявила суду:

«Борис Домуховский вел в соборе самую яростную, агитацию против изъятия ценностей и против советской власти. Он говорил: «Курс революции неправильный». «Мы, одушевленные христианством, скорее совершим революцию». «Изъятие ценностей недопустимо». «Нас обвиняют в контрреволюции, но перед богом все равны». «Нам надо бороться до последнего». «Если пошлют ту часть, где я, то она будет со мной».

Эта же свидетельница рассказала, что когда, зайдя в собор, один из красноармейцев однажды высказался за изъятие ценностей, то «хорошо одетый субъект вышвырнул его за шиворот»¹.

В такой обстановке происходила подготовка к событиям 28 марта, когда дело дошло до применения оружия, до кровопролития.

Ввиду создавшегося положения Смоленский губернский исполнительный комитет решил созвать на 19 марта особое собрание представителей верующих с участием представителей советской власти. Для подготовки к этому собранию церковники и приходские воротилы на 18 марта собрали в соборе свое совещание. На этом совещании для заблаговременной подготовки аудитории было зачтено и распространялось обращение Тихона. Как и надо было ждать, созванное губисполкомом собрание 19 марта положительных результатов не дало. Предложение губисполкома о передаче ценностей на покупку хлеба голодным согласия собравшихся не получило.

Особо следует отметить, кто дирижировал всей этой работой, кто играл в ней руководящую роль. В первую очередь такая роль принадлежала дворянину и помещику инженеру Залесскому, автору антисоветской резолюции. Кроме него весьма типичны были такие фигуры, как например помещик и дворянин Пивоваров. Этот тип организовывал ночные дежурства в церквях; осматривал по ночам колокольни для подготовки набатного звона, когда придет комиссия; принимал активное участие в антисоветских собраниях. В трибунал было передано его письмо некоему Попову, написанное после мартовских событий. В этом письме Пивоваров заявлял, что он твердо решил поддерживать знамя контрреволюции, якобы «выроненное» церковниками. О мартовских событиях он писал, что этот «взрыв осадил кого надо на место и доказал, что есть еще у русского народа нечто, не поддающееся жидовской ассимиляции». О черносотенном послании Тихона тут говорилось, что оно «золотыми и вечными буквами врежется на темные страницы истории».

Таковую же роль, как Пивоваров, выполнял бывший гусар Мясоедов, родственник «знаменитого» Мясоедова, казненного еще при царизме за шпионаж в пользу германского империализма в дни мировой войны.

¹ Указанные цитаты взяты из отчета о процессе, опубликованном в журн. «Революция и церковь».

Видное значение имела деятельность бывшего царского офицера Демидова. После Февральской революции он принимал активное участие в подавлении солдатского движения против Керенского, участвовал в расправах с теми, кто отказывался погибать по воле грабительских стремлений российской буржуазии. После Октябрьской революции Демидов служил генералу Деникину, занимал ряд должностей в Деникинской банде и в частности служил на бронепоезде «Единая Россия». После гражданской войны, скрыв свою службу у белогвардейцев, приехал в Смоленскую губернию. Трибунал установил, что он поносил советскую власть и распространял провокационные слухи о том, что хлеб, полученный из САСШ, был отправлен обратно, что ценности будут использованы исключительно для Красной армии и т. д. По поводу одного из обращений епископа Филиппа, призывавшего передать ценности советской власти, Демидов говорил, что это «провокация большевиков» и что Филипп свое обращение написал под воздействием физической силы.

Такая публика играла руководящую роль в мартовских событиях в Смоленске. В их числе был также проф. Успенский, ректор Московского археологического института, передававший смоленскому епископу Филиппу послания от Тихона. Успенский был членом Французской академии наук, доктором теории изящных искусств и прочее и прочее. За свои жесовидательские показания и антисоветскую работу из числа свидетелей в конце концов он попал на скамью подсудимых.

Как видим, здесь были хорошие режиссеры.

Бывшие дворяне и помещики, офицеры и буржуазные интеллигенты — вот кто организовывал борьбу с изъятием ценностей.

Непосредственные представители церкви — поп Ширяев (настоятель Смоленского собора) и епископ Филипп — оказали большое содействие этой публике. Поп Ширяев участвовал в антисоветских собраниях, но старался остаться в стороне. Епископ Филипп долгое время вел двойную игру, а затем уже во время самого процесса покался, публично говорил о своих ошибках и заявил себя сторонником «живой церкви». 17 марта в местной газете «Рабочий путь» было напечатано его воззвание о помощи голодным.

Тут говорится:

«...Вы можете спасти страну от тяжелых и страшных бедствий, если сделаете только одно — с готовностью пойдете на встречу изданному распоряжению об изъятии церковных ценностей для голодающих».

Однако через несколько дней за этим появляется другое воззвание Филиппа, в котором он заявлял, что «изъятие ценностей есть оскорбление религиозных чувств верующих, святая святых их души».

После этого епископ Филипп опять делает поворот на 180° и во время разбора дела окончательно отгораживается от тихоновщины.

Черная подготовительная работа белогвардейцев и церковников дала свои результаты 28 марта.

В этот день было решено произвести изъятие ценностей, так

как все переговоры с церковниками и представителями приходских советов не дали никаких желательных результатов. По распоряжению губернской комиссии Помгола рано утром на рассвете были поставлены вооруженные караулы у собора и двух монастырей. С утра у церкви, и главным образом около собора, начали накапливаться кучки мещан, лавочники и тому подобная публика. Около 10 час. утра с колоколен смоленских церквей раздался тревожный и громкий набатный звон. Количество собравшихся стало резко увеличиваться. Толпа дошла до 3—4 тыс. Среди толпы велась яростная антисоветская и антисемитская агитация.

Черносотенцы стали напирать на красноармейские цепи, бросали в красноармейцев снегом, кирпичами, плевали в лицо. Одновременно велась агитация с целью привлечь курсантов и красноармейцев на сторону контрреволюционеров. Из толпы кричали: «жиды посылают вас, а самих нет», «вы идете, как послушное стадо», «золото пойдет на уплату контрибуции Польше». Все эти попытки желательных результатов не давали.

Наглость черносотенцев увеличивалась. У курсантов и красноармейцев пытались отнять оружие, из толпы раздавались револьверные выстрелы, командира полка коммунаров т. Прокопович стащили с лошади, у командира взвода т. Пискарева, кавалера ордена Красного знамени, толпа вырвала револьвер, ему укусили палец.

Вооруженные револьверами и палками контрреволюционеры пытались прорвать красноармейскую цепь. В таком положении курсанты и красноармейцы проявили исключительное мужество, стойкость и выдержку. Только однажды нападавшие негодяи смогли прорвать цепь и бросились к собору, но вскоре были оттеснены. Ввиду создавшегося положения по приказам командиров частей было сделано несколько выстрелов в воздух.

Но это не оказывало должного воздействия. Раздавались крики:

«Верующие, что вы смотрите, как жиды оскверняют нашу святыню! Не бойтесь, стреляют в воздух».

После этого нападение усилилось. У некоторых красноармейцев были отняты винтовки. Тов. Печкурис, кавалер ордена Красного знамени и командир полка особого назначения, отдал приказ обороняться прикладами. Весь воинский резерв, находившийся на месте, был пущен в ход, однако положение было угрожающим.

Тогда по приказанию начальника пулеметной команды был открыт пулеметный огонь в воздух. В итоге толпа рассеялась, и красноармейские части смогли занять свое прежнее положение.

В это время прибыла комиссия по изъятию. Однако пройти в собор было невозможно. Двери изнутри были заперты и забаррикадированы досками и камнями. С большим трудом удалось взломать одну из боковых дверей, пройти внутрь и арестовать находившихся в соборе.

Таким образом мы видим, что в Смоленске 28 марта имело место самое настоящее неудавшееся восстание с нападением на

красноармейские части и применением контрреволюционерам огнестрельного оружия.

Только выдержка и стойкость коммунаров, курсантов и красноармейцев дали возможность ликвидировать движение без значительных жертв.

Стоит еще отметить, что во время нападения на красноармейцев имела место попытка еврейского погрома, скоро ликвидированного курсантами. Нападая на евреев, черносотенцы кричали «У евреев надо вырвать зубы», «бей жидов» и т. д. Несколько человек было избито, в том числе еврейская девочка 8 лет. Быстрое вмешательство курсантов и красноармейцев прекратило это преступление.

Судебное следствие и разбор дела во время процесса ясно установили в смоленских событиях преступное участие Тихона. Фактически он вдохновлял участников, дал им готовый материал для агитации и выступлений. Его именем прикрывались и освящались действия банды черносотенцев и громил. Тихон дважды посылал свои послания в Смоленск: первый раз через вышеупомянутого проф. Успенского и второй — через кондуктора Хлебковского.

По поводу участия Тихона от имени трибунала было послано особое сообщение в Москву.

Сессия Верховного трибунала по окончании процесса четырех человек (Залесского, Пивоварова, Мясоедова и Демидова) приговорила к высшей мере социальной защиты, десять человек были приговорены к тюремному заключению на разные сроки и остальные обвиняемые к обязательным работам и общественному порицанию.

Это решение соответствовало интересам трудящихся, так как белогвардейская провокация стоила жизни двенадцати жертв.

3

Крѳвавое дело в Шуе

В Иваново-вознесенской губернии на почве контрреволюционной деятельности церковников возник целый ряд дел, из которых в первую очередь заслуживают внимания события в г. Шуе.

Крупнейшую роль опять-таки сыграло послание Тихона, заблаговременно посланное и размноженное попами и их подручными.

Во главе движения стояли попы Рождественский, Светозаров, Лавров и Смельчаков. Из «мирян» с ними действовали купец Похлебкин, купец Афанасьев, торговец Корзенев, соборный староста купец Парамонов, колбасник Гуреев, домовладелец Коковкин, член партии эсеров певчий Языков, бывший инспектор гимназии Борисов и т. п. публика.

Опять-таки видим блок попов, купцов, торговцев и буржуазной интеллигенции.

Борьба с изъятием ценностей в Шуе имела много общего с вышеописанным движением в Смоленске. После получения Тихо-

новского послания по инициативе попов и указанных лиц был устроен ряд собраний, имевших целью разжечь фанатизм и подготовить выступление. День выступления был намечен на 15 марта. Утром с колокольни собора начался набатный перезвон. У паперти собора скопилось большая толпа, в толпе шныряли члены приходских советов и призывали к активным действиям. Открыто произносились речи с предложением всеми мерами воспротивиться изъятию.

Появившиеся на площади милиционеры были избиты. Черносотенно-погромные выкрики становились все громче и наглее. Были слышны крики: «бей жидов», «грэми советы», «бей коммунистов» и т. д. и т. п. Значительная группа контрреволюционеров отправилась к зданию, где помещался военный комиссариат. К толпе подъехал верхом на лошади т. Башенков, начальник уездной милиции. Его попытка остановить движение, прекратить его не дала положительных результатов. Тов. Башенкова стащили с лошади и начали избивать.

О дальнейших событиях т. Брихничев рассказывает:

«Высланные для наведения порядка 15 красноармейцев из военного комиссариата были оттеснены толпой. После этого начальником гарнизона дано было распоряжение командиру 145 стрелкового полка о немедленной высылке в полной боевой готовности полуроты красноармейцев. Когда высланные в числе 42 чел. красноармейцы двинуты были на толпу рассыпным строем, причем, согласно приказа, не произведено было ни одного выстрела, толпа под определенным руководством прососавшихся сквозь рассыпной строй набросилась на красноармейцев с коляями с тылу. Несколько красноармейцев были отрезаны толпой, обезоружены и подвергнулись жестокому избиению камнями, поленьями. Из отнятых у избитых красноармейцев винтовок из толпы раздавались выстрелы по отступающим красноармейцам. После этого выслано было 2 автомобиля с пулеметами, из коих был открыт огонь по верх толпы. На соборной колокольне ударено было в набат, и с окрестных деревень стали сбегаться в Шую крестьяне. Рабочие Тезвинской и Шуйской мануфактур, увлекаемые отдельными не установленными следствием личностями, покинули работы и частью направились на Соборную площадь. При появлении автомобиля толпа ринулась было на автомобиль, а гр. Малков из отобранной у красноармейца винтовки стал целиться в шофера, находящегося на автомобиле. Несколькими выпущенными из пулемета по целившемуся Малкову пулями последний был убит, кроме того были убиты находившиеся невдалеке от него две женщины. Всего в происшедших беспорядках со стороны толпы зарегистрированных в Шуйской больнице пострадавших было одиннадцать чел., из которых 5 убитыми, со стороны красноармейцев тяжело было избито 3 чел. и легко—двадцать четыре чел.»¹

Сами духовные пастыри в борьбе участия не принимали, но

¹ «Патриарх Тихон и его церковь», стр. 17.

они все же не бездействовали. Поп Широкогоров считал необходимым, когда избивали красноармейцев, отслужить молебен «о даровании победы Ивану воину» — победы над советской властью. А поп Святозаров, сделав свое подлое дело натравливания, по словам свидетельницы Шведовой, с радостным выражением лица наблюдал избитые и кричал: «Так вам и надо».

Шуйское дело рассматривалось в выездной сессии Верховного трибунала в последних числах апреля 1922 г.

Московский процесс

В это же примерно время в Москве тоже происходил процесс духовенства. Дело разбиралось Московским губернским революционным трибуналом.

История вопроса такова:

Инициатором всего оказался опять-таки Тихон. По его указанию 7 марта московский митрополит Никандр созвал собрание благочинных московской епархии. Здесь было зачитано и обсуждено Тихоновское послание. Благочинные получили копии для дальнейшего распространения. Собрание выработало вполне определенные директивы о борьбе с изъятием ценностей.

После этого текст Тихоновского послания благочинные сообщили всем попам своего района, а эти последние огласили его во время церковных служб. При этом, как полагается, были произнесены соответствующие речи.

Результаты сказаться не замедлили. Один за другим приходские советы стали принимать резолюции о недопустимости изъятия.

«Добровольно ценностей не отдадим,—говорилось в одной из таких резолюций,—в комиссию по изъятию своих представителей не выбирать; в случае прибытия представителей советской власти для изъятия явиться всем незанятым членам общины для отстаивания церковных имуществ».

Повсеместно намечалась политика не только пассивного отказа, но и активного сопротивления.

А вот итоги:

«Около церкви Богоявления в Дорогомилове собирается громадная толпа, частью из мирян, обработанных контрреволюционной проповедью Соколова, частью из обывателей, которые из воззвания Тихона узнали, что якобы изъятие противоречит правилам церкви и является кошунством и святотатством. 18-летняя Варкунова, живущая на заработок матери-работницы, бросает камнями в красноармейцев, дровоклад Раханов кричит: «Бей их, сукиных детей» и избивает красноармейцев».

Собрание мирян церкви Вознесения выносит резолюцию: «Решительно заявляем, что добровольно не отдадим своих святынь». Такую решительность порождает проповедь священника Надеждина, в которой есть слова: «Непослушание

церкви привело к разрухе в нашей современной жизни» и «идет на нас суд божий в виде предполагаемого ВЦИКом изъятия церковных ценностей и в том, что вещи могут не попасть куда следует.

У церкви Василия Кесарийского во время изъятия Талагаев, Петров, Иванов и Юргенсон ведут агитацию против изъятия, Талагаев неграмотен и так же, как и Иванов, был пьян, слесарь Петров, дурашливый малый, захваченный контрреволюционным настроением, невольно способствует разжиганию голпы. Студент Юргенсон, сын богатых родителей, обзывает красноармейцев красными жандармами.

В церкви Вознесения священник Вишняков прочел воззвание против изъятия, боясь того, что будет отлучен, если не исполнит приказа Тихона. Председательствовали на собрании мирян проф. Чернышев, руководивший мирянами, настроенными против изъятия. Церковный совет храма Ивана-воина заявляет: «Ценностей не отдадим». Это все — результат распространения воззвания Тихона и поповских проповедей¹. В происшедших столкновениях несколько красноармейцев было ранено. Однако красноармейцы эружия в ход не пускали.

Сообщая о характере церковной агитации в связи с изъятием; периодическая литература того времени заявляла:

«Кучка князей церкви в компании с трактирщиками и лавочниками из «приходских советов» действует не только погромами, набатными звонами, явными и тайными контрреволюционными призывами, но и подлой клеветой.

Среди темных, одураченных ими людей они пускают слух, будто работа комиссии по изъятию ценностей превращается в одну издевку над верой: коммунисты-де в церкви не снимают шапок, курят махорку, одевают в насмешку женщин и красноармейцев в ризы, топчут ногами чаши,—словом, ведут себя в храмах, как настоящие дикари.

Это — гнусная провокационная ложь.

Шептуны знают, что советская власть, раз прямая «издевка над верой» в храме при изъятии золота и серебра была бы не «темным слушком», а доподлинным фактом,—гладить по головке паршивую овцу советского стада конечно не станет, а с примазавшимся хулиганом, своим поведением лишь роняющим советскую власть, расквитается при помощи своих судов и трибуналов.

Поэтому провокаторы и погромщики действуют тайно. Свой «подлый слушок» и гнусные выдумки они передают «шопотком», «в уголку», бережно хоронясь от тех, кто может разоблачить их (фальшивую, обманную игру)².

В конце концов все виновные были привлечены к ответственности, и на скамьи подсудимых село 54 чел., в том числе 20 попов и значительное количество буржуазных интеллигентов.

Показания обвиняемых и свидетелей установили, кто является

¹ Журнал „Наука и религия“, стр. 29 — 30.

² Журнал „Наука и религия“, стр. 33.

действительным организатором происшедшего. По словам благочинных, директивы центра предписывали им проводить антисоветскую работу. Конечно сваливать с больной головы на здоровую не приходится, но дело в том, что «здоровые головы» Никандра и Тихона на самом деле были головами самых настоящих контрреволюционеров, сознательно провоцировавших инциденты и эксцессы.

Выступая перед судом, митрополит Никандр пытался выгородить себя заявлением, что на собрании 7 марта Тихоновское воззвание якобы не оглашалось.

Однако показания других обвиняемых уличили Никандра. Сами же попы, когда пришлось отвечать перед революционным судом, сообщили ряд фактов, изобличивших организаторов черной работы, и не только Никандра, но и Тихона.

«Если бы вместо Тихона, — сказал поп Орлов, — был другой патриарх, не было бы беспорядков в Шуге».

«Если бы я не исполнил приказа патриарха, — заявил поп Вишняков, — я был бы отлучен».

На самом деле попы исполняли не только приказ Тихона, но выполняли свое классовое назначение. Это главным образом важно, а не то, что именно Тихон был патриархом. Был бы другой — дело обстояло бы наверно несколько не лучше.

Но роль Тихона все же беспорна.

Вот например заявления благочинных:

«Если можно привлекать за воззвание, то — патриарха Тихона, а не нас. Мы были исполнителями воли святейшего».

Мы, священники, не имеем права рассуждать и обсуждать.

Мы должны подчиняться.

Мы действовали по приказу свыше, и, если бы патриарх благословил изъятие, мы стали бы сдавать ценности».

В качестве свидетеля на этот процесс был вызван и сам патриарх. На суде он держался весьма вызывающе. На вопрос, каким образом были составлены его прежние антисоветские воззвания и последние послания против помощи голодным, — откровенно отвечать не пожелал, заявив, что «я один составлял».

Выступая свидетелем, Тихон не постеснялся заявить, что советская власть, взяв церковные ценности, совершает якобы по церковным законам святотатство, т. е. грабеж. А когда спросили, кто же рассылал Тихоновские воззвания, Тихон с улыбочкой ответил:

«Ищите сами... Ищите...»

Тихоновская ложь по вопросу о святотатстве была между прочим разоблачена самими же церковниками. В качестве эксперта судом был вызван профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, сам активно участвовавший в церковном антисоветском движении после Октябрьской революции. Однако даже он дал следующее показание:

«На вопрос о моем мнении относительно изъятия церковных ценностей на нужды голодающих должен сказать, что постановление по этому поводу ВЦИК есть прямое последствие декрета 23 января 1918 г. об отделении церкви от госу-

дарства с лишением церкви прав юридического лица. Все церковное имущество было объявлено тогда собственностью государства и передано лишь в бессрочное пользование группе верующих. Таким образом уже декретом 23 января 1918 г. установлена возможность изъятия государством церковного имущества. Каждый собственник конечно всегда вправе потребовать свое имущество от тех лиц, которым оно передано во временное пользование. С точки зрения юридической правильности постановления ВЦИК об изъятии имущества спорить нечего. Духовенству, не принадлежащему к группе верующих, принявшему имущество на хранение, вовсе и не следовало бы вмешиваться в это дело. Постановление ВЦИК мотивирует изъятие церковных драгоценностей употреблением их на неотложные нужды голодающих, т. е. имеет в виду цель, которая не может не заслуживать одобрения и с церковной точки зрения. Кроме того изъятие не распространяется на предметы, необходимые для совершения богослужения».

Указав далее, что и раньше церковные ценности многократно использовались для различных потребностей власти, по вопросу о святотатстве Кузнецов заявил:

«На предложенный мне вопрос, что понимает наука церковного права под святотатством, отвечаю: из Уложения о наказаниях, действовавшего в России при прежнем строе, когда церковь не была отделена от государства, видно, что существенный признак преступления святотатства составляет похищение церковной вещи. Прежний уголовный закон, повидимому, опирался в этом на 10-е правило константинопольского Двухкратного собора и 50-ю ст. Номоканона при-большом требнике. В этих правилах святотатство понимается как присвоение для собственной корысти церковных предметов, составляющих принадлежность храма и богослужения, что подтверждается 8-м правилом Григория Нисского. По степени наказания к нему приравнивается и обращение находящихся в алтаре предметов на употребление не священное. Как и всякое преступление, святотатство предполагает присутствие в человеке злой воли, направленной к нарушению обязательных для него норм, в данном случае направленной к присвоению и обращению на обыкновенное употребление освященных вещей.

На вопрос, какой смысл 73-го правила апостолов, поясню, что оно воспрещает брать для своего употребления освященные золотые или серебряные сосуды и завесу под угрозой отлучения.

На вопрос, можно ли применить к делу об изъятии драгоценностей 73-е правило апостолов и 10-е Двухкратного собора о святотатстве, должен сказать, что, по моему мнению, нельзя. Рассматривая эти правила, как требуется наукой, в их исторической перспективе, приходится объяснить что они не имеют в виду тех обстоятельств и взаимоотношений, которые возникли в настоящее время при приведении в исполнение постановления ВЦИК. Правила эти угрожают мирянам отлучением, а духовенству извержением из сана. Кому же в данном случае

может быть назначено это церковное наказание? Конечно, не советской же власти, объявившей себя безрелигиозной. Эту власть в лице ее представителей уже никак нельзя отлучить от церкви, потому что она и без того не принадлежит к церкви. Церковные правила имеют в виду лишь членов церкви для которых обязательны церковные законы, и вопрос о приращении их может касаться только духовенства и верующих. Но ведь эти люди должны передать церковные драгоценности их собственнику — государству и вовсе не по своей воле, а обязываются к этому постановлением государственной власти. У большинства духовенства и мирян совершенно не обнаруживается той злой воли, направленной к присвоению и обращению церковных вещей на обыкновенное употребление, которое составляет основное условие совершения преступления, воспрещенного 73-м апостольским и 10-м правилом Двухкратного собора. Напротив, обыкновенно духовенство и миряне отдают вещи неохотно, лишь подчиняясь распоряжениям власти. Кроме того, если принять во внимание каноническую природу церковного имущества и сказанное о нем выше, то рассматриваемые правила едва ли даже могут относиться к случаям обращения церковных предметов на неотложные благотворительные цели, вполне согласные с самим понятием церковного имущества. Иначе святотатцами и сознательными нарушителями 73-го апостольского и 10-го правила Двухкратного собора пришлось бы объявить Амвросия Медиоланского, Иоанна Златоуста и других, которые признаются одинаково-святыми.

Нельзя также не заметить, что например в музеях давно, даже при царском строе, можно было встретить иногда разные старинные предметы церковного богослужения, бывшие ранее в употреблении, не исключая и священных сосудов. Там они явно обращены на несвященное употребление, в предмет изучения и даже простого любопытства. Служащие музея, люди светские, берут их в руки, вытирают на них пыль, показывают их публике и т. п. Вспомним затем, как поступают с бывшими в употреблении церковными вещами золотых и серебряных дел мастера, когда по причине порчи эти вещи обращаются в лом или отдаются для поправления и золочения. До сих пор, кажется, еще никто не обвинил всех этих людей в нарушении 73-го апостольского и 10-го правила Двухкратного собора и не объявлял этих людей и тех, кто дал им церковные вещи, в преступлении святотатства или оскорблении святыни»¹.

Если выбросить из этого показания церковного эксперта поповскую шелуху, то будет ясно, что довод о «святотатстве» как в Тихоновском послании, так и в поповской агитации повсеместно был «притянут за волосы», т. е. никаких оснований для этого не было, кроме желаний создать антисоветское движение и спровоцировать массы. Мы привели несколько длинное рассу-

¹ Журнал „Друг православного народа“ 1922 г. № 1.

дение Кузнецова, чтобы показать свидетельство по этому вопросу самих же церковников.

По делу московских попов трибуналом был принят ряд постановлений. Из них наибольшего внимания заслуживает решение привлечь к судебной ответственности патриарха Тихона, как лицо, составлявшее антисоветские обращения и распространявшее их, в силу чего возникли беспорядки с пролитием крови и человеческими жертвами.

5

Сопротивление изъятию ценностей в других местностях

В большем или меньшем масштабе церковники повсеместно проводили свою кампанию против изъятия церковных ценностей. Только различие местных условий приводило к тому, что эта деятельность не везде привела к открытым столкновениям и человеческим жертвам.

Даже беглый обзор литературы того времени дает большое количество указаний на широко поставленную контрреволюционную работу церковников.

Напомним ряд примеров из сообщений периодической печати тех дней:

«На-днях на Дону, — сообщала газета «Наука и религия», — начнется суд над епископом Арсением.

Епископу Арсению официально было предложено принять участие в комиссии по изъятию церковных ценностей, но он категорически отказался.

Епископ Арсений с крестом в руках возбуждал духовенство и массы. Он призывал к противодействию советской власти. Он пытался вызвать бунт, восстание. Он сумел организовать 11 марта с. г. избиение в ростовском кафедральном соборе комиссии по изъятию ценностей.

Получив из Москвы от патриарха Тихона знаменитое секретное послание в 3 экземплярах, епископ Арсений, преподав соответствующие указания, посылает немедленно 2 экземпляра митрополиту Митрофану и протоиерею таганрогского собора.

Но этим далеко не исчерпывается виновность Арсения.

В 1919 г., когда на Дону и Кубани свирепствовали контрреволюционные банды, епископ Арсений принимал самое горячее участие в восстановлении белогвардейской власти.

Он официально признал ген. Деникина единственным правителем России.

В знак победы над большевиками он поднес ген. Деникину икону «Георгия-победоносца».

Он непрестанно сотрудничал в черносотенном журнале «Церковь и жизнь».

Писал погромные статьи, направленные против рабоче-крестьянской советской власти.

Он принимал деятельное участие в создании высшего церковного управления. Цель последнего была — восстановление в стране самодержавия.

Когда отступили белые, епископ Арсений раздавал в Ростове-на-Дону деньги офицерам и попам, бежавшим от Красной армии.

Позднее, после очищения юго-востока от белых армий, он участвует в белогвардейском заговоре в Ростове-на-Дону известного князя Ухтомского с целью свержения советской власти.

Таков перечень преступлений этого матерого черносотенного волка, прикрывавшегося ризой церковности¹.

Разбор дела полностью подтвердил все это. Относительно борьбы с изъятием ценностей была установлена такая же система «работы», как и в других городах: распространение Тихоновских воззваний, секретные поповские совещания, контрреволюционная агитация, возбуждение фанатизма вплоть до избития членов комиссии.

Дело это опять-таки показало тесную связь попов с буржуазной интеллигенцией, принимавшей активное участие в поповской работе (деятельности проф. Бувакова и инж. Усова), и вместе с тем была раскрыта контрреволюционная работа церковников на службе деникинщины. При Деникине епископ Арсений был членом «Временного высшего церковного управления на юго-востоке России», организовывал в различных районах особые «церковно-просветительные дома» для борьбы с революционным движением, в связи с расстрелом Николая Романова издал монархическое обращение к населению, с его ведома попы поступали на службу в контрразведку. После разгрома деникинщины Арсений входил в подпольную антисоветскую организацию, а после ее провала вновь вел различную контрреволюционную работу.

В этом процессе на скамье подсудимых было шесть церковников.

О деятельности церковников в Сибири т. Долотов сообщает:

«Изъятие церковных ценностей для помощи голодающим встретило в Сибири самое яростное сопротивление со стороны церкви. В Томске, после многолюдного митинга, устроенного по этому поводу, церковники на своем собрании постановили:

«Вещи, подлежащие изъятию, должны быть обсуждены на общеприходских советах и утверждены собранием благочинных».

«Перечень» ценностей, которые следует изъять; церковники определили:

«Предметы, не имеющие прямого отношения к совершению богослужения, лишние кадила и лампадки привески к иконам, ризы с икон, которые в храме не употребляются при богослужении, сосуды, не бывшие в употреблении, а также утварь, вышедшую из употребления за ветхостью...»

¹ Газета „Наука и религия“ 1922 г. № 6, стр. 7.

Эти «условия» томского духовенства фактически сводили на-нет изъятие церковных ценностей.

«При изъятии ценностей обнаружилось, что попы повсеместно развивали в верующих массах враждебность к советской власти. Изъятие сосудов на посторонние цели попы объявляли святотатством, кражей «святых» предметов; право изъятия ценностей приписывалось, только патриарху и епископу, — все это попы пытались обосновать своими «апостольскими правилами».

Во многих местах церковники организовывали в знак протеста против изъятия ценностей демонстрации верующих. Лучшие предметы растаскивались и прятались по квартирам или закапывались в землю. До изъятия устраивались торжественные обывания предметов, дабы возбудить верующие массы против изъятия.

В Барнауле под руководством протоиерея Долина, принимавшего при Колчаке активное участие в черносотенной газете «К свету», где печатались погромные статьи против большевиков, церковные ценности были спрятаны в женском монастыре. Эти ценности постепенно сбывались или на барахолке, или же продавались в перелитом виде.

Так сибирское православное духовенство встретило призыв голодающих о помощи¹.

Упомянутая здесь антисоветская деятельность томского духовенства была в конце концов предметом особого судебного дела, о котором вышеупомянутая газета «Наука и религия» дала следующий отчет:

«В Томске ревтрибунал судил на-днях группу духовенства во главе с епископом Виктором.

Епископ Виктор, бывший чиновник Министерства народного просвещения, после революции был чиновником у Колчака. Духовный сан принял только в конце 1920 г. Епископом в Томск был назначен патриархом Тихоном. Здесь он вел тайную борьбу против советской власти, стараясь всеми мерами обойти декрет об отделении церкви от государства: самовольно не считаясь с желаниями и требованиями верующих, назначал и смещал настоятелей церквей, преследовал прогрессивное духовенство и возвышал заведомых контрреволюционеров и спекулянтов в рясах.

Вместе с членами епархиального управления Лебедевым, Никольским, Дмитриевым и Лавровым епископ до самого последнего времени, несмотря на декрет о воспрещении священникам вести метрические книги, производить разводы, учить закону божью детей, тайком проделывал все это. Он говорил в церквях контрреволюционные проповеди, восстанавливал верующих против власти трудящихся. Когда началось в Томске изъятие ценностей, епископ Виктор стал тайно рассылать по всем церквям инструкции и циркуляры, в которых нарочно неправильно истолковывал значение изъятия.

¹ „Церковь и сектанство в Сибири“.

В результате этой контрреволюционной работы епископ Виктор и его ближайших сподвижников — Галахова, Лебедева, Никольского, Климова, Хитровского, Стацевича, Попова, Беневоленского и др. — при изъятии ценностей во многих церквях духовенство и верующие оказали сопротивление изъятию. Было несколько попыток организовать бунт. Так, в Знаменской церкви толпа кликуш, руководимая протоиереем Юрьевым, устроила комиссии по изъятию враждебную демонстрацию.

Такие же попытки сорвать изъятие были сделаны в г. Мариинске, в с. Тутальском и др.

Множество ценностей было выкрадено из церквей.

Такие кражи произведены были в домовых церквях Томского университета, в Томском соборе, в Богоявленской, Никольской церквях, в мужском монастыре и др.

В квартире св. Попова было найдено 17 предметов церковной утвари, у св. Лебедева 16 предметов. Епископ Виктор и архимандрит Ираклий роздали частным лицам 7 икон в серебряных ризах, священник Климов утаил 26 риз и т. д.

Революционный трибунал признал епископа Виктора и священников Галахова, Лебедева, Никольского, Климова, Хитровского и Попова виновными в тяжких преступлениях против трудящихся. Принимая во внимание, что преступления эти совершены в момент, когда и советская власть и все честные граждане Советской России выбивались из сил, чтобы облегчить страдания голодного Поволжья, рабоче-крестьянский суд приговорил епископа Виктора и шестерых священников к высшей мере наказания»¹.

На территории УССР во многих городах и сельских местностях церковники тоже вели контрреволюционную работу.

Приведем несколько корреспонденций.

Дело Харьковских церковников

«19 сентября закончилось слушанием дело церковников, епископом Нафанаилом во главе. Архиепископ Нафанаил занял на суде любопытную позицию ярого приверженца советской власти. Отвечая на ряд вопросов председателя трибунала, он сказал, что считает гражданскую войну необходимым этапом в развитии революции и что она является средством для обеспечения мирного строительства. Бегство из России вместе с Деникиным Нафанаил называет позором и малодушием. Деятельность патриарха Тихона заслуживает осуждения, а политика советской власти, направленная к упразднению монастырей, совершенно правильна, если последние будут превращены в трудовые артели, не препятствующие трудящимся веровать так, как они пожелают.

Несмотря однако на столь решительную смену вех, ревтрибунал в своем приговоре постановил причислить новоиспеченного революционера, некогда ярого черносотенца, Нафанаила

¹ „Наука и религия“, № 8, стр. 4.

да, к числу деятелей контрреволюции. «Обвиняемые, — говорится в приговоре, — сейчас на суде не только примиряются с советской властью, но и признают ее, а будучи на свободе, они держат в руках камень, который готовы бросить в рабочих и крестьян».

Постановлением ревтрибунала архиепископ Нафанаил приговорен к трем годам принудительных работ, но ввиду преклонного возраста освобождается от заключения и навсегда высылается из пределов УССР. Остальные обвиняемые приговорены к принудительным работам на различные сроки, причем двое из них ввиду преклонного возраста от наказания освобождаются¹.

Дело церковников в Балте

«В Балте закончился процесс 70 священников, обвинявшихся в контрреволюционной агитации и в распространении провокационных слухов, в связи с кампанией по изъятию ценностей. Обвиняемые приговорены к пятилетнему тюремному заключению без применения амнистии»².

Дело полтавского попа Зеленцова

Десять дней в Полтаве продолжался суд над священником Зеленцовым. Началось, как и везде, с изъятия ценностей. Полтавские попы пытались сопротивляться изъятию. Зеленцов их вдохновлял.

Зеленцов не просто поп, а «отличившийся». С Тихоном в переписке состоял; на суде с гордостью об этом сообщил.

И предстал Зеленцов перед судом рабочих. Обвиняется поп, во-первых, в сопротивлении изъятию ценностей, во-вторых, в сдаче ценностей одной из церкви врангелевскому шпиону-офицеру Видермиллеру для нужд белой армии, в-третьих, в агитации в церквях против советской власти и, в-четвертых, в активной борьбе с советской властью и проповедях в пользу белой армии.

Медленно проходит перед судом ряд фактов о том, как на площадях Зеленцов звал на борьбу под трехцветным знаменем со «злыми извергами большевиками», как он припрятал богатства церкви кадетского корпуса и передал их шпиону, как выкрал и распространил секретную телеграмму губчека. Таков герой процесса Зеленцов. Пособник белых, шпион.

Трибунал приговорил Зеленцова к расстрелу»³.

Просматривая такого рода корреспонденции из разных городов, можно видеть, что повсеместно руководящая роль принадлежала Тихоновским агентам-епископам и всяким «бывшим».

Так например, в Ярославле в связи с противодействием изъятию был привлечен к судебной ответственности епископ Кирилл, в Пскове — епископ Геннадий, в Тамбове — епископ Зиновий, в Астрахани — епископ Анатолий и проф. Димитриев-

¹ Газета „Наука и религия“ 1922 г. № 12, стр. 2.

² Газета „Наука и религия“ 1922 г. № 9.

³ Газета „Наука и религия“ 1922 г. № 9, стр. 2.

ский и т. д. и т. п. В Самаре руководителем церковного тихонского движения был ярый черносотенец барон Шлиппенбах.

Но было бы ошибкой думать, что рядовое духовенство играло пассивную роль и только подчинялось своему церковному начальству. Ничего подобного. Рядовая черная армия тоже выполняла свою классовую роль не за страх, а за совесть. В Рязани например несколько попов просили местного епископа Вениамина обратиться к Тихону. Цель обращения — настаивать перед патриархом на выпуске особого воззвания к международной буржуазии с просьбой «о помощи» и международном вмешательстве. «Смирненным» пастырям мало было интервенции 1918—20 гг. Они и теперь хотели спекулировать на голодных муках миллионов трудящихся и вновь залить нашу страну свинцом и кровью.

Система укрывательства ценностей и их воровства

Среди ряда мер, предпринятых церковниками в целях борьбы с изъятием ценностей, особого внимания заслуживает укрывательство ценностей и их воровство. Такого рода действия были санкционированы церковным руководством и получили самое широкое распространение.

Соответствующие указания были даны духовенству еще в начале 1918 г. В «постановлении святейшего патриарха и священного синода от 15/28 февраля 1918 г.», наряду с целым рядом других указаний о формах антисоветской деятельности, в разделе «О захвате церковного имущества» в § 12 говорилось, что церковные ценности «должны всеми мерами оберегаться от поруганий и расхищения и для сего без нужды не вынимать их из церковных хранилищ, а последние устроить так, чтобы они не могли быть легко открыты».

Следующий § 13 постановления указывал, что, в случае требования передать ценности, не следует добровольно отдавать их.

§ 14 гласил: «В случае нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние, следует призывать православный народ на защиту церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. п.»

Это постановление было издано в целях борьбы с декретом об отделении церкви от государства от 23/1 1918 г. Известно, что тогда церковникам удалось вызвать целый ряд эксцессов.

Что же касается ценностей, то, согласно этим директивам, духовные пастыри начали усиленно укрывать их. Много тайников было создано в зданиях церквей, ценности замуровывали в стены, закапывали в землю, передавали «надежным людям», наконец весьма много было припрятано полами в своих жилищах. Отсутствие точных описей, хаотическое состояние учета, недостаточное внимание к данному вопросу наших органов в ряде мест — все это привело к тому, что деятельность церковников в этом направлении проходила более или менее успешно.

В годы гражданской войны неоднократно были обнаружены

такие тайники. Церковные ценности не раз находили у попов и различных укромных местечках. Конечно была найдена лишь ничтожная часть того, что припрятавали.

Об одном из таких фактов печать сообщала.

«Во время ликвидации еще в 1920—21 гг. Хотьковского монастыря (близ Сергиева) его богатейшее имущество было умышленно скрыто монахинями. В пределах монастыря обнаружен закопанный в землю сундук с золотыми и серебряными монетами, а в подвалах — замуравленная в стенах ценная церковная утварь.

«Житию святых отшельниц» мог бы позавидовать любой буржуй. В каждой келье монахини стояли шкафы-шифоньерки, кресла и пр.

У каждой монахини — кубышка золотых, серебряных и николаевских кредиток. Одна из «инокинь», «спасавшаяся» в монастыре в течение 18 лет, на вопросы суда, как она и другие монахини переживали голод в 1918—19 гг., с бесстыдной простотой ответила:

«Мы никакого голода не знали. Нам всегда хлеб и все прочее приносили келейницы».

Даже после ликвидации монастыря и преобразования его в «трудовую артель» монахини продолжают жить в полной сытости и с комфортом. Сергиевские обыватели передают, что до ликвидации Хотьковского монастыря туда совершали увеселительные прогулки монахи, переодетые в женское платье.

За сокрытие церковных ценностей и прочие «деяния» суд привлек б. игумену монастыря Евдокимову к уголовной ответственности¹.

Тихоновоское послание дало церковникам вторичный сигнал.

Повсеместно началась горячка укрывательства ценностей. Одновременно, где можно, уничтожались соответствующие списки. Очень часто симулировали ограбление. Из предметов, осыпанных драгоценными камнями, выламывали наиболее ценные камни. Эта воровская работа проводилась в самых различных формах.

Много фактов такого рода было сообщено в газете «Наука и религия».

«14 августа в особой сессии Брянского совнарсуда разбиралось несколько дел. К ответу за укрывательство ценностей были притянуты монахи, монахини и миряне — члены церковных советов.

Первым слушалось дело церкви села Погребова.

Священник из монахов Плашанской обители отец Назаров при участии члена совета спрятал священные сосуды в лукошко, на которое посадил бабу. Комиссия по изъятию ценностей накрыла укрывателей на месте преступления.

Второе дело — севского Троицкого подворья. Монахиня Протопопова по разным углам церкви припрятала ризы с икон, чаши и т. д. И эти скрытые ценности комиссией были обнаружены.

¹ Газета «Наука и религия» 1922 г. № 10, стр. 4.

Третье дело — опять монаха! В качестве обвиняемого выступает елейный отец Никодим, бывший игумен Плашанской пустыни и один из членов церковного совета. Комиссия в этом монастыре раскопала много ценностей, не взятых на учет. Части ценностей, хотя они и значились по описи, при изъятии не оказалось»¹.

В Москве при осмотре Богоявленского монастыря были найдены ценности, взятые из других московских церквей и спрятанные здесь. Что же касается церковных предметов из самого Богоявленского монастыря, то таковые были спрятаны у попа Шингарева. Все обнаруженные ценности весили 56,1 кг.

В селе Кошелеве б. Липовской волости Щигровского уезда в местной церкви уже по окончании работы по изъятию членом комиссии, направляясь к выходу, проходили мимо славившейся здесь иконы богородицы. Один член комиссии при этом задел ногой за деревянную приставку, стоящую у иконы, чтобы было удобнее к ней прикладываться. Приставка при этом перевернулась, и оттуда выкатилась серебряная лампада, в которой, как после оказалось, было 2 фунта серебра².

В некоторых случаях воровство обнаруживалось, а виновных было найти не так легко. Об этом свидетельствует такая корреспонденция, напечатанная 21 августа 1922 г.:

«В Калуге, в Богоявленской церкви, на паперти стоял иконостас, доставленный из бывшего епархиального училища. Наднях при осмотре иконостаса в нем был обнаружен ящик с церковными вещами весом до 3 пудов. Ценности эти оказались принадлежащими Полоцкому собору. При проверке комиссией этих ценностей по описи, найденной в ящике, — ценных камней, которые должны были находиться на одной из риз, не оказалось.

На вопрос, заданный священнику, почему он во время изъятия не сообщил про этот ящик, он ответил, что об этом должен был сообщить епархиальный церковный совет.

А почему не сообщил епархиальный совет? Не потому ли, что об этом должен был сообщить священник?

Кто же теперь должен отвечать за исчезновение драгоценных камней из ризы?

Исчезновение, надо полагать, было «чудесное».

Ценности скрыты. Ценности похищены. А виновного нет»³.

Конечно если как следует поискать, то виновных можно было найти.

В это время, кстати сказать, произошла целая эпидемия ограблений. Попы заявляли, что все это — дело рук бандитов, но на самом деле чаще всего они сами были причастны к ограблению и лишь симулировали таковое. Так было например в Ленинграде.

В отчете о процессе ленинградских церковников по вопросу об ограблении церкви при школе глухонемых сообщались такие характерные подробности:

¹ Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 11, стр. 4.

² Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 10, стр. 4.

³ Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 6, стр. 8.

«...Первым показания дает священник Дымский. В конце января к нему обратился директор института с предложением передать институту церковные ценности из институтской церкви.

Несмотря на боль душевную, он согласился, перетащили они пудиков 10 из церкви. Он (Дымский) не то, чтобы помогал носить, нет, он просто помогал вынимать. Главные ценности честная компания вынесла до опечатания церкви, а остатоки (ризы, ящик с серебром и пр.) они вынесли после опечатания церкви, не сломав, правда, печати; да этого оказывается и не требовалось, так как «остаточки» эти были заблаговременно перенесены в залу, открыть кою для опытных громил проще простого, не говоря уже о старожилах института — глухонемых. Взяли этак ножичком и отодвинули задвижку и вынесли»¹.

О процессе попов в Парголове печать сообщала:

«В течение двух дней, 27 и 28 сентября, особой выездной сессией народного суда в Парголове, близ Петрограда, разбиралось нашумевшее дело муринских церковников, во главе с протоиереем А. И. Зарницким. Кроме Зарницкого суду были преданы члены церковного совета: Монахов, Андрей и Илья Горячевы, Никитин, Рылеев и Шагин.

На суде выяснилось, к какой лжи и самым грязным приемам прибегал священник Зарницкий для сокрытия церковных ценностей, чтобы не отдать их в пользу голодающих. Он угонял других прятать на дому и сам взял к себе на квартиру икону в золоченой ризе, а на церковной колокольне припрятал чуть не дюжину икон в серебряных ризах. Несмотря на все расследования, священнику Зарницкому все же удалось скрыть несколько ценных сосудов и чаш.

На суде установлен был также целый ряд злоупотреблений, притеснений, проведения своих личных выгод священником Зарницким. Четыре деревни неоднократно выносили приговоры об удалении Зарницкого, несколько диаконов он выжил, члены церковного совета отказались от совместной работы с ним.

В большом помещении театра «Прима» массы народа собрались послушать разоблачение деятельности ненавистного местного попа.

После трехчасового совещания суд вынес следующий приговор: священника Зарницкого лишить свободы на 3 года с ограничением прав на 5 лет, церковного старосту А. Горячева и Монахова лишить свободы на 1 год, членов ревизионной комиссии — Рылева и Никитина на 1 год условно»².

Периодическая литература так называемых «церковных обновленцев» тоже поместила ряд сообщений об укрывательстве ценностей.

¹ Журнал „Революция и церковь“ 1923 г., № 1 — 3, стр. 75.

² Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 16, стр. 4.

В № 3 «Живая церковь» от 15 июня 1922 г. сообщалось:
«Нежинское дело.

В местном ревтрибунале слушалось дело группы духовенства города Нежина, б. Чернигов. губ., об утайке 226 серебряных подвесок с драгоценными камнями и других ценностей. Ценности были обнаружены на квартире старосты и казначея Твердовского. Твердовский приговорен к заключению в дом принудительных работ на 5 лет, игуменя Введенского монастыря — на 3 года, протоиерей Вербицкий — на 2 года и ризничая Шабанова — на 1 год.

В Каменецком уезде составлено 25 актов о противодействии изъятию церковных ценностей.

В Винницком уезде составлено два акта о несдаче ценностей.

В Ямпольском уезде был один случай утайки ценностей от комиссии по изъятию; виновные преданы суду ревтрибунала.

В Елисаветградском ревтрибунале по делу об изъятии ценностей 8 обвиняемых приговорены к принудительным работам до 3 лет, 16 чел. — к условному наказанию, а главный противник изъятия протоиерей Покровский — к 4 годам принудительных работ.

Протоиерей Вологодского кафедрального собора приговорен к 1 году принудительных работ за утайку церковных ценностей.

По делу о сокрытии ценностей привлекается к ответственности костромской архиепископ Серафим.

В Симбирске по делу о краже церковных ценностей из собора 13 чел. обвиняемых приговорены к заключению на сроки от 1 до 3 лет.

В Киевской губ. за непредставление инвентарных списков преданы суду 33 приходских совета.

В Пензе за противодействие изъятию арестованы два местных епископа: нынешний Борис (Лентовский), член «союза русского народа» и бывший Владимир (Путята).

В станице Акшайской Донской области арестованы и предаются суду священник и староста, занимавшиеся продажей похищенных церковных ценностей»¹.

Большое количество фактов церковного грабительства сообщал уже цитированный нами журнал «Наука и религия», некоторые из которых приводим здесь.

Из церкви села Тащулина б. Елецкого уезда местный поп ночью украл чашу и крест. В городе Яранске в местном соборе поп выкрал два бриллианта.

Другие попы считали нужным брать все дочиста. Так например, в Георгиевске были украдены из местного собора все ценности. Такое же событие произошло в Богоявленской церкви б. Острогжского уезда Воронежской губернии.

«В Москве при изъятии ценностей из храма Василия-испо-

¹ «Живая церковь» 1922 г., № 9.

ведника в Новой деревне Рогожско-Симоновского района духовенством не было представлено описей, а в церкви нашлось всего лишь несколько небольших серебряных риз с икон.

В результате обыска было найдено множество ценностей, запрятанных в разных углах и шкафах. Попы старались объяснить это «запамятованчем», а представители от верующих «незнанием» того, что делают в церкви попы.

Довольно типичную картину отношения духовенства к изъятию ценностей и воровства дает процесс монахов киевского Михайловского монастыря, о богатствах которого говорилось выше. Дело обстояло таким образом. 11 апреля 1922 г. губернская комиссия по изъятию ценностей, приехав в монастырь, предложила администрации монастыря представить необходимые описи. Таковые были даны от 1919 г., и в них совершенно не были указаны многие ценные предметы, описанные в соответствующих печатных изданиях. Представители комиссии предложили монахам дать дополнительные сведения и спросили, где же находятся ценности, отмеченные в печатном издании монастыря.

Представители приходского совета и монахи ответили категорическим отказом дать нужные сведения и заявили, что им ничего неизвестно. Был составлен акт.

13 апреля в киевской газете «Пролетарская правда» появилась заметка «Под суд расточителей народного имущества», сообщающая о предании виновных суду революционного трибунала. 19 апреля комиссия вновь прибыла в монастырь. Убедившись, что дело неладит, монахи решили вернуть часть спрятанного. Они сообщили комиссии, что некоторые ценности «нашлись». Однако один из наиболее ценных предметов — икона Варвары, осыпанная драгоценными камнями, представлена не была. Ее обнаружили лишь после начала следствия в помещении ризницы за шкафом.

«Из всех материалов следствия, — гласил обвинительный акт, — явствует, что граждане Готовцев, Житков, Ветрук и Иващенко, с заранее обдуманной целью, оставаясь верными позиции и заветам наиболее контрреволюционной части русского православного духовенства, решили в тягчайшую минуту для рабоче-крестьянской власти деяниями своими нарушить декрет правительства и не допустить отдачи ценностей на утоление голода миллионов трудящихся масс».

Ввиду этого епископ Алексей Готовцев, настоятель Михайловского монастыря, архимандрит Тихон Житков, благочинный Серафим Иващенко и ризничий Иннокентий Ветрук были преданы суду.

Судебный процесс полностью подтвердил данные обвинительного акта. В итоге епископ Алексей Готовцев и архимандрит Тихон были присуждены к принудительным работам на 5 лет, ризничий Ветрук — на 3 года, а благочинный Иващенко был приговорен к 3 годам условно. Суд постановил имущество Михайловского монастыря конфисковать в пользу голодающих, монахов выселить, а церковь передать общине верующих.

Мы выше приводили цитаты из описания Михайловского монастыря, где говорилось о тех самых ценностях, которые были спрятаны монахами. В данном случае весьма характерно, насколько откровенно действовали церковные воры. На этом же процессе была разоблачена контрреволюционная деятельность украинского духовенства на службе Скоропадского и Деникина.

Любопытно отметить, что многие попы и епископы получали в это время из-за границы ценные посылки с продуктами. Эти посылки отправлял им американский «Комитет помощи голодающим в России», имевший своим председателем «знаменитого» одесского черносотенца, митрополита Платона. В «Американском православном вестнике» за 1922 г. были опубликованы сведения, из которых можно видеть, что многие епископы и попы получали указанные посылки.

Из числа епископов американский капитал и попы-эмигранты сочли нужным отправить посылки следующим лицам: архиепископу Агапиту (Екатеринослав), епископу Прокопию (Херсон), архиепископу Феодосию (Одесса), митрополиту Михаилу (Киев), архиепископу Дмитрию и епископу Василию (Киев).

В Одессе заграничные посылки персонально получили: попы И. Клоптовский, И. Недзельницкий, К. Бречкович, И. Стрельбицкий, В. Христалов. В этот же город были посланы ценные посылки причтам следующих церквей: Епархиального дома, Мещанской церкви, Кафедрального собора, Петропавловской церкви, Михайловской церкви, Покровской церкви, Николаевской церкви, Сретенской церкви, Алексеевской церкви, Казанской церкви, Входа-Иерусалимской церкви и т. д. и т. п.

В Киеве посылки получили от той же комиссии «профессора» В. Экземплярский и В. Рыбинский. Полагаем, что не зря «добрые американские дяди» сочли нужным подкармливать поповскую свору, выполнявшую вполне определенное назначение.

Организуя борьбу с изъятием ценностей в целях контрреволюции, попы считали нужным накладывать налог на население. Так например, «в деревне Гринцево, б. Штеповской волости. б. Харьковской губернии местному попу с помощью кулаков из церковного совета удалось провести такое постановление: все «верующие», без различия пола и возраста, а также социального положения, на правах равенства и братства должны дать его благоутробию по одному пуду хлеба от каждого домохозяина»¹.

В ряде дел было установлено, что воровство происходит с участием архиереев. В Одессе в «архиерейских покоях» было найдено много ценностей, принесенных сюда попами. «5 мая губернский трибунал в Иваново-Вознесенске слушал дело о гр. Сперанском, Макарове, Тихонравове, Комарове и других, обвиняемых в хищении ценностей, в соучастии в хищении и в сокрытии заведомо похищенных церковных ценностей. На суде выяснилось, что на сокрытие ценностей имелась санкция местного архиерея Иерофия, который гр. Тихонравову сказал: «Прячьте, но не влопайтесь».

¹ „Наука и религия“, 1922 г., № 14.

Пастыри духовные даже не стеснялись предлагать взятки членам комиссии Помгола.

«Выездная сессия революционного трибунала в Новочеркасске приговорила к высшей мере наказания настоятеля архиепископской церкви священника Кравцова. Последний пытался подкупить комиссию по изъятию, предлагая ее членам взятку в 20 млн. руб., чтобы те не брали ценностей. Все наиболее ценные вещи священник Кравцов предварительно запрятал на свечном складе и по частным квартирам. На суде было установлено, что Кравцов после известного воззвания патриарха Тихона поступил в Политотдел с целью шпионажа». Не менее характерно такое сообщение:

«8 марта на станции Инза, в поезде, направлявшемся из Самары, в вагоне № 3047, агентами местной орточека было обращено внимание на трех пассажиров, державших себя весьма странно, повидимому, переодетых и загримированных. Пассажиры везли с собой 4 места весьма тяжелой клади.

На вопрос агента орточека, что это за кладь, пассажиры ответили, что они беженцы из голодных мест и везут с собой домашние вещи. Кладь была вскрыта агентами орточека. В ящиках оказалось: более 6 пудов золотых и серебряных чаш, дисков, крестов, кадил, дарохранильниц, ковшей и других церковных вещей. Обнаружено также большое количество золотых монет.

На допросе в помещении Инзенской орточека таинственные пассажиры предъявили документы, из которых видно, что двое из них: Рыбаков и Смирнов — священники Самарской губ., Горбунов же — или член приходского совета, или староста одной из церквей Самарской губ.

Дознание выяснило, что вещи принадлежат не одной, а нескольким церквам голодной Самарской губ., что направлялась «преподобная компания в Минск, откуда надеялась «за хорошую цену» переправить вещи за границу».

Передать ценности для спасения умиравших от голода людей, оказывается, нельзя, а вот спекулировать или переотправить за границу — это возможно.

Представители капиталистических государств на этом деле тоже старались поднажиться. Контрабанда — так контрабанда, было бы прибыльно.

«В апреле в двух дипломатических вагонах эстонской миссии при обыске обнаружено 6 пудов серебра. Серебро дипломатами было спрятано в топившихся печках уборной, в баках с водой, в груде мусора.

На Николаевском вокзале во время входа в вагон были задержаны гр. Завелов и Дамина, которые несли туда $\frac{1}{2}$ пуда серебра. Было обнаружено несколько лиц, скупавших для миссии церковное серебро. У литейщика Павлова это серебро переплавлялось и направлялось в «дипломатический» вагон. Среди лиц, продававших церковное серебро, оказались также священник Носов и член приходского совета Парфенов».

Работа церковников по укрывательству ценностей доставляла тогда не мало хлопот органам ОГПУ, причем иногда эти дела раскрывались попутно.

«В ночь с 10 на 11 октября 1922 г.,—сообщала печать,— дорожно-транспортным отделом Госполитуправления Южн.-донек. ж. д. производилась операция по изъятию похищенного железнодорожного имущества. Был произведен обыск на квартире бухгалтер электротехнической службы Южн. ж. д. Владимирова. Во время обыска жена Владимирова заперлась в одной из комнат и уверяла, что там ничего нет. Это показалось агентам ГПУ подозрительным. Когда дверь была открыта, в комнате обнаружено было большое серебряное евангелие. Владимирова отказалась, было, сообщить, от кого получено евангелие, но впоследствии призналась, что получила его от настоятеля Дмитриевской церкви Тимофеева. Владимирова—член совета церковной общины. Это наводило ГПУ на мысль повести следствие среди прочих членов церковного совета. Произведены были обыски у последних, давшие весьма ценные результаты.

Наиболее колоритная фигура—председатель церковного совета, 70-летний старик Жуков, матерый черносотенец. При обыске у него обнаружены портреты Петлюры и Вильгельма, воззвание Тихона, масса петлюровской и погромной литературы. В момент обыска (в 5 час. утра) Жукова застали за пишущей машинкой, на которой он печатал воззвание с протестом против обновленческого движения в церкви. Жуков упорно отрицал свою причастность к делу сокрытия ценностей. Путем очных ставок с Жуковым и другими членами церковного совета выяснилось, что утаено еще одно серебряное евангелие, находящееся под полом. При обыске у священника Крохатского найдено 2 серебряных креста, усыпанных драгоценными камнями. 3-й крест — золотой — передан был гр. Виноградовой. У церковного старосты — железнодорожника Соседко — найдена серебряная дарохранительница и другие ценности.

У железнодорожного фельдшера Светлицкого обнаружена большая серебряная чаша.

Путем перекрестного допроса установлено, что решение скрыть наиболее ценные вещи от комиссии по изъятию принято было всем церковным советом.

Описи имущества в церкви не было. Комиссии отвели глаза сдачей массы мелких ценностей. Тайные собрания церковного совета происходили на квартире Жукова. До сего времени арестовано по делу 3 священника и 9 мирян. Следствие ведется»¹.

Все эти факты наглядно свидетельствуют, что пастыри духовные совместно с представителями буржуазии широко применяли систему укрывательства ценностей и их грабежа.

Разоблачение этих действий одновременно показывало и дру-

¹ Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 18, стр. 2.

гие стороны церковного быта. Вологодским ГПУ в процессе следствия по делу монахов Павло-Обнорского монастыря, оказавших сопротивление при изъятии ценностей, был установлен ряд фактов самого необузданного разврата духовенства. В итоге иеромонах Никон должен был отвечать перед судом за изнасилование, а иеромонах Серафим и монах Пахомий — за растление мальчика.

Такие факты конечно не исключение.

В сентябре 1922 г. печать сообщала:

«В Соловецком монастыре арестован монах за изнасилование мальчика из Поволжья, находящегося в детском доме»¹.

Это сообщение так же характерно для подлинного лица церкви, как и активная контрреволюционная работа, направленная на удушение голодных.

По сведениям только 55 трибуналов об окончании 231 дела указывалось, что всего было привлечено по этим делам 732 чел.

После, по окончании изъятия ценностей, представители «живой церкви» сообщали в печати, что в связи с изъятием ценностей духовенством было вызвано около полутора тысяч более или менее крупных эксцессов.

Эта цифра свидетельствует, с каким размахом была поставлена антисоветская деятельность церковников, каких значительных результатов удалось им достигнуть.

Если бы осуществились планы церкви, выполнявшей волю международного капитала и белой эмиграции, то тогда религиозная провокация должна была бы привести к крушению советской власти.

Следует помнить, в какие тяжелые, черные дни совершались эти события. Миллионы трудящихся нашей страны, кормивших своим трудом религиозных паразитов, в это время корчились от мук ужасного голода, каждый день одна за другой потухали людские жизни, — а церковь холодно и расчетливо вела игру на спекуляцию религиозным фанатизмом, чтобы вонзить в спину трудовому народу нож, чтобы затянуть петлю на шею голодных, чтобы подготовить почву для новой интервенции и для реставрации эксплуататорских порядков.

Конечно такая деятельность вовсе не была результатом преступлений отдельных церковников результатом извращения.

Нет, это была плановая работа церкви как классово-враждебной трудящимся организации, как силы духовно закабалившей массы и теперь бросившей все на карту, чтобы вернуть какой угодно ценой разрушенное революцией прошлое...

Старое, иезуитское правило, что «нельзя оправдывает средства», в это время выполнялось с холодной расчетливостью профессиональных обманщиков, профессиональных врагов трудового люда.

Но все же желанных целей пополам не достигла.

Широкие массы трудящихся не пошли на церковную провокацию, хотя количество инцидентов и столкновений было очень велико. Та социальная прослойка, на которую церковь могла вполне опереться в организации восстаний, — эта прослойка не

¹ Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 10, стр. 4.

была велика. Кулаки, лавочники, бывшие чиновники, торговцы, офицеры, сынки помещиков и тому подобная публика — вот кто был способен к активным контрреволюционным выступлениям и шел на них. Из среды трудящихся можно было рассчитывать лишь на тех, в ком классовое чутье и способность разбираться в событиях слабее силы религиозного одурманивания. Процессы церковников эпохи 1922 г. такие фигуры видели.

Но это не масса трудового люда — это одиночки обманутые, — правда, если бы не опыт всего пережитого, тогда таких слепых и несчастных жертв религиозной провокации было бы много, много больше. Из среды рабочих и крестьян-бедняков только одиночки могли быть вовлечены в темную игру духовных пастырей.

Действительная позиция масс трудящихся по вопросу об изъятии ценностей может быть видна на многих примерах положительного отношения. Выше говорилось, что еще до издания декрета крестьяне голодных местностей и рабочие многократно обращались во ВЦИК с просьбами изъять ценности для покупки хлеба. Обращений и резолюций такого рода в газетах было опубликовано большое количество. Именно по воле широких масс был издан декрет от 22/II 1922 г.

После издания декрета на многочисленных собраниях трудящихся были приняты резолюции, одобрявшие этот акт советской власти. Так например, тамбовские железнодорожные рабочие и служащие, собравшись в железнодорожном театре и заслушав доклад о голоде и о мерах борьбы с ним, приняли следующую резолюцию:

«1) Приветствуем постановление ВЦИК об изъятии из храмов и монастырей драгоценностей—золота и серебра;

2) клеймим позором тех верующих и духовенство, которые не хотят отдать в помощь голодающим драгоценности и золото из храмов и монастырей, как лицемеров и фарисеев (пример—поп Василий в Введенской церкви);

3) призываем местную советскую власть без колебаний приступить к изъятию церковного золота и обещаем ей свою полную поддержку;

4) призываем всех честных граждан, имеющих у себя золотые или серебряные вещи и украшения, отдать таковые на закупку хлеба для умирающих товарищей».

Эта резолюция была принята рабочими единогласно¹.

На крестьянских собраниях тоже выносили решения о поддержке мероприятий по изъятию ценностей. Во многих голодных местностях инициатива изъятия очень часто принадлежала крестьянам. В нескольких селах Спасского уезда б. Тамбовской губернии крестьянами были приняты резолюции протеста против слишком медленного изъятия ценностей в этих местностях. В б. Орехово-Зуевском уезде крестьяне б. Ламищенской волости постановили изъять ценности, «даже если последует ущерб по отпавлению религиозных обрядов».

Когда началось изъятие и церковная провокационная работа

¹ «Тамбовская правда» от 4/III 1922 г.

развернулась в полном масштабе, то в редакции газет и в советские органы поступили десятки тысяч откликов, показывающих отношение широких масс к деятельности церковников, по борьбе с изъятием ценностей. В одну лишь редакцию «Науки и религии» таких откликов (приговоры сельских собраний, письма крестьян, резолюции волостных, уездных и губернских беспартийных крестьянских конференций и т. д.) поступило более 1 200. Так например, крестьяне б. Кудыкинской волости б. Орехово-Зуевского уезда в своей резолюции заявляли, что они всех, «творящих противодействие изъятию, клеймят позором и причисляют к врагам народа и душегубцам, делающим злое дело контрреволюции, обрекая на голодную смерть миллионы людей».

Крестьяне станицы Константиновской решили обратиться к духовенству с письмом, разоблачавшим его классовую позицию.

«Допустимо ли, — писали крестьяне, — держать в церквях массу драгоценностей, когда миллионы людей голодают, когда матери и отцы едят трупы своих детей, когда сильные люди падают от истощения и десяти-двенадцатилетние девочки продают свое тело за кусок хлеба. По-нашему, это недопустимо, а между тем люди голодают, вы же держите сотни пудов золота и серебра в церквях».

Далее говорилось:

«На вашего бога не взирать, отобрать ненужные ему драгоценные игрушки, накормить голодных и закупить семена для весеннего посева!»

Из этих примеров можно видеть, что расчет церковников на массовое антисоветское движение — именно в массах не оправдался, и церковная контрреволюция не получила опоры.

В конечном счете карта религиозной контрреволюции была бита.

Несмотря на все затруднения и препятствия, изъятие прошло с положительными результатами.

16 сентября 1922 г. на заседании ВЦИК был заслушан доклад ЦК Помгола о состоянии его денежных средств. Сообщая об этом заседании, газета «Наука и религия» напечатала следующую справку:

«При изъятии церковных ценностей всего собрано золота 33 п. 32 ф. 86 з. и серебра 23.997 п. 23 ф. 24 з.; из этого количества продано 14 п. золота и 17.000 п. серебра. Помимо этого в Гохране находится 14.777 шт. алмазов и бриллиантов, 1 п. 22 ф. 30 з. жемчуга, 66 п. 13 ф. 84 з. разных металлов, 1 п. 14 ф. 63 з. различных драгоценных камней, на 2.200 руб. золотых монет, на 14.212 р. 50 к. серебряных, 28 штук золотых часов, 41 серебряных, 11 штук медалей и 2.550 мест без веса, к реализации которых еще не приступлено, и оценка их не произведена. Разных драгоценных вещей, которые были получены путем пожертвований, но еще не реализованы, имеется на сумму 17.386.060 руб.».

Все эти изъятые ценности были использованы в интересах трудящихся — для покупки хлеба, для ликвидации последствий голода.

Раскаяние патриарха Тихона¹

Судебное расследование всех многочисленных дел по сопротивлению изъятию ценностей установило, как уже говорилось, что глава русской православной церкви патриарх Тихон (Василий Белагин) сыграл руководящую роль в антисоветской деятельности духовенства. Его послание о недопустимости изъятия везде и всюду имело большое значение. При помощи лживых слов этого документа духовенство внушало массам, что якобы церковные законы запрещают изъятие ценностей государственной властью для спасения голодных. Сам Тихон, так же как и его подручные, прекрасно знал, что вся кампания по борьбе с изъятием имеет определенные чисто политические, контрреволюционные цели.

При разборе дела революционными трибуналами был принят ряд решений о привлечении Тихона. Так, в заключении Московского губернского революционного трибунала говорилось:

«Привлечь патриарха Тихона (гр. Белагина) и архиепископа Никандра (гр. Феноменова) к судебной ответственности, так как они изобличаются в том, что разработали план кампании против изъятия церковных ценностей, составили воззвание, направленное против изъятия, распространили его через подчиненное им духовенство среди широких масс, чем вызвали ряд открытых выступлений против советской власти, окончившихся избиением красноармейцев и граждан»².

После допроса смоленского епископа Филиппа председателем выездной сессии Верховного трибунала т. Сорокиным по телефону было послано в Москву особое сообщение, разоблачавшее деятельность Тихона.

На основании всех этих данных Тихон был привлечен к судебной ответственности и заключен под стражу. Следует помнить, что и раньше он многократно доказал свою классовую роль активного врага трудящихся. Его верная служба царскому правительству, видное участие в черносотенно-погромном движении

¹ Привлечение к судебной ответственности патриарха Тихона произошло в связи с его деятельностью по борьбе с изъятием ценностей. Вкратце описывая в настоящем очерке указанные факты, автор сознательно не касался моментов церковного распада 1922—1923 гг., так как это выходит за рамки темы и не могло быть выполнено ввиду размеров брошюры. Необходимо иметь в виду, что события 1921—1922 гг. имели громадное значение для самой церкви. Религиозное влияние на массы ослабело, и даже в глазах той части трудящихся, которая не освободилась от религиозного дурмана, церковь была дискредитирована. Изменение позиции Тихона был тактический ходом с целью спасти церковь, так как широкие массы трудящихся отходили от церкви. Вместе с тем нужно помнить, что движение «живой церкви» было попыткой спасти церковь от окончательного распада, было попыткой приспособления к обстановке и являлось своеобразной «сменой вех» на религиозном фронте. Однако все попытки духовенства были напрасны. В ходе социалистического строительства разоблачалась реакционная роль религии и религиозных организаций. Массы миллионами выходили из церковных и сектантских организаций.

² Цитирую по брошюре К. М. Сахарова — Патриарх Тихон, 1925 г., стр. 28.

пакаунне революции, руководящая роль в работах контрреволюционного церковного собора в 1917—18 г., объявление анафемы (церковного проклятия) советской власти, издание за его подписью целой серии антисоветских обращений и посланий, постоянные и систематические указания поном о работе, приносящей вред трудящимся нашей страны, — все это еще до голода 1921 г. определило Тихона как открытого врага трудящихся. Но он действовал под прикрытием своего «высокого», с точки зрения верующих звания. Это обстоятельство очень осложняло вопрос о привлечении его к суду. Ведь приходилось сажать на скамью подсудимых не только контрреволюционера Василия Белафина, но и лицо, считавшееся лицом православной церкви, лицом, окруженным «ореолом» религиозного «почитания». Нужно помнить, что одним из любимых лейтмотивов церковников в их системе контрреволюционной агитации был фальшивый довод о гонениях на религию со стороны советской власти. Если бы в период гражданской войны Тихон был посажен в тюрьму или привлечен в другой форме к ответственности, то тогда бесспорно наши зарубежные враги получили бы новый материал для своей антисоветской агитации. Для наших зарубежных врагов было бы выгодно, чтобы Тихон превратился в «мученика религии». Но, что выгодно для белогвардейцев, то невыгодно для нас. Нам незачем было в годы гражданской войны осложнять и без того тяжелое положение арестом Тихона и вызывать этим обостренные отношения с верующими.

Иное положение было в 1922 г.

Преступная роль Тихона и тихоновщины к этому времени обнаружилась во всей полноте. Одновременно произошли соответствующие изменения и в отношении масс к церкви и ее главарю. Массам стало понятнее и яснее, что тихоновщина есть сила по ту сторону баррикады и что эта сила ничем не стесняется для достижения своих реакционных целей. В газетах того времени был напечатан целый ряд резолюций трудящихся о необходимости привлечения к ответственности контрреволюционеров вне зависимости от их церковного чина.

И когда было выявлено, что именно Тихон есть подлинный идейный организатор целой серии спровоцированных церковниками эксцессов, то тут-то и было вполне правильным посадить его на скамью подсудимых. Даже верующие соглашались с этим.

Материалы следствия дали возможность полно, бесспорно и документально-обоснованно установить, какой громадный вред принесла церковная деятельность и работа самого Тихона интересам трудящихся. На протяжении всей территории советской власти церковь была мощной религиозной организацией, неизменно везде и всюду создававшей фронт против рабочих и крестьян.

Пока происходило следствие, за границей началась усиленная кампания против советской власти под флагом «защиты Тихона». В этой кампании объединились архиепископ Кентерберийский, руководители всевозможных религиозных течений, начиная с видных раввинов и вплоть до сектантских вожakov, продажные

буржуазные борзописцы, международные шпионы, видные деятели парламентов капиталистических стран, меньшевики, теоретики II Интернационала и тому подобная публика.

В печати обсуждались вопросы о «гонении на религию», о «положении церкви в Советской России», о «необходимости вмешательства» и т. д. и т. п. В несколько меньшем масштабе в общем произошло то, что затем повторилось в кампанию «крестового похода» 1930 г.

Отношение белой эмиграции к Тихону и его процессу заслуживает внимания. Об этом отношении бывший белый эмигрант Бобрищев-Пушкин дает такое свидетельство:

«К Тихону относились как к святому, и надеялись видеть в нем еще и мученика: кровь патриарха была бы обильною водою на мельницу контрреволюционной агитации. Вся эмигрантская печать, без различия лагерей, славословила патриарха Тихона, как старца непреборимого мужества и непреклонной воли, продолжающего дело божие в самом «царстве антихриста».

В «Русской мысли» еще до ареста Тихона в 1922 г. были высказаны следующие планы:

«Недалеко то время, когда святейший патриарх возьмет в свои руки бразды народного правления, чтобы затем передать их в руки исторически сложившейся власти; он укажет и будущего носителя этой власти».

Как и полагается, буржуазная и эмигрантская печать в своих выходках не останавливалась ни перед какой клеветой. Помещали рисунки, изображавшие Тихона в цепях и кандалах.

«Советские инквизиторы,—писал Милоков в «Последних повестях»,—принимали всяческие меры к тому, чтобы сломить волю патриарха. Прибегали к самым утонченным пыткам. Патриарха Тихона кормили какой-то совершенно необычной пищей, днем и ночью подвергали допросам»...

В этой лживой прессе даже сообщалось, какие именно «пытки» переживал Тихон. Например агентство «Русспресс» отравило из Риги телеграмму, в которой указывалось, что Тихон заключен в подвалы (!) Донского монастыря, его якобы охраняют башкиры, ему «дают есть в день четверть арестантского пайка» и его каждый день «пытают при помощи электричества».

В рижской газете «Сегодня» сообщалось, что «патриарх Тихон тяжело болен, консилиум врачей признал состояние очень серьезным и что, если условия жизни больного в сыром подвальном помещении не будут изменены, — его жизни грозит опасность».

На самом же деле все это было явной ложью, и сам Тихон впоследствии заявил секретарю английского комитета «Руки прочь от России» мистеру В. П. Коутс, что «он (Тихон) не имеет никаких оснований жаловаться на обращение с ним и что материальные условия во время его заключения были вполне хороши».

Известный черносотенец и погромщик протоиерей Востоков, организатор боевых религиозных антисоветских объединений в период гражданской войны на юге, объезжал сербские города и

дал лекции на тему: «Что делать навстречу гонениям в России на страдания священномученика нашего, святителя Тихона, патриарха всероссийского».

Произведя Тихона в священномученики, белогвардейщина рассчитывала нажить на этом деле капитал. Его ореол «мученика», надеялись они, на долгое время будет «неразменным рублем» антисоветской агитации.

В защиту Тихона выступила целая плеяда церковников капиталистических стран. Советским правительством было получено несколько обращений с протестом против ареста Тихона. На одно из таких обращений архиепископа Кентерберийского Советом народных комиссаров был отправлен ответ, в котором разоблачались истинные цели кампании, поднятой в связи с делом Тихона. В скором времени однако капиталистическим апологетам православной контрреволюции пришлось получить очень неприятное известие.

16 июня 1923 г. Тихон передал Верховному следующеe обращение:

«Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный суд РСФСР, я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее:

Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году власти и наконец воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в своих проступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, т. е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции.

16 июня 1923 г.

Подпись: патриарх Тихон (Василий Белавин).

Рассмотрев это заявление, Коллегия по уголовным делам Верховного суда через несколько дней приняла следующее решение:

«Ходатайство гр. Белавина удовлетворить и, руководствуясь 161 и 242 ст. Уголовно-процессуального кодекса, ранее принятую в отношении его меру пресечения уклонения от суда и следствия—содержание под стражей—отменить».

По поводу постановления Коллегии член президиума Верховного суда т. А. В. Галкин сообщил представителям печати:

«Содержание под стражей было применено к бывшему патриарху Тихону ввиду его непрекращавшейся активной контрреволюционной деятельности. Нынешнее заявление Тихона и его лояльное отношение к советской власти устраняет необходимость дальнейшего применения этой меры пресечения.

Сейчас, когда я говорю эти слова, Тихон уже вероятно на свободе.

Постановление Верховного суда конечно ничего не меняет в самом ходе дела Тихона, следствие по которому будет продолжаться своим чередом»¹.

Читая заявление Тихона, можно видеть, что оно несомненно имело большое политическое значение. Тихон признался в своей контрреволюционной деятельности, подтвердил правильность предъявленного к нему обвинения, заявил о своем раскаянии и тут же дал обещание «решительно отмежеваться как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции».

Для всех сторонников тихоновщины как реакционного политического движения, для всех наших врагов, как на территории советской власти, так и заграничных, этот документ был основательной пощечиной.

Как-раз 16 июня, т. е. в день подачи Тихоном его покаянного заявления, в ряде буржуазных газет была напечатана телеграмма о смерти Тихона, «замученного» и «отравленного» большевиками.

На опубликование этой телеграммы «Новое время» откликнулось такими словами своего присяжного писака Курдюмова:

«Живой или замученный до смерти, он — наш предстатель перед богом за терзаемую Русь. Чист, как снег, его белый куколь, сияет на нем неугасимым светом древний алмазный крест, утверждая в нас веру: воскреснет бог, и расточат врази его».

В таком же духе писал в «Еженедельнике Высшего монархического совета» А. Рогович, бывший товарищ оберпрокурора синода.

...«И над всем этим богомерзким безобразием сатанинской злобы и безбожия встает перед нами во всей красе нравственного величия светлый образ нашего патриарха, святейшего Тихона, который не поклонился пред сатанюю и своим примером как бы повторяет слова нашего спасителя, искушаемого в пустыне: «господу богу поклоняйся и ему одному служи»².

И вдруг — полное разочарование. Правда, остался цел алмазный крест, но «священномученика» уже не стало. Остался лишь покаявшийся пред властью трудящихся преступник, обещавший к тому же на будущие времена отмежеваться от своих белогвардейских поклонников.

Белогвардейские писак и капиталистическая пресса на первых порах никак не хотели признать неприятного им факта. В

¹ „Известия“ 1923 г., № 142.

² Цитирую по ст. Т. Горева в „Безбожнике“ 1923 г., № 30.

газете «Таймс», органе английского империализма, было заявлено, что обращение Тихона есть фальсификация. Эмигрантские газеты писали, что Тихон убит и что вместо него выпущен на свободу «загримированный большевик». В качестве авторов заявления белая пресса указывала гг. Радека, Стеклова, Крыленко и Клару Цеткин.

Насколько силен был этот удар для эмиграции, можно видеть из свидетельства Бобринцева-Пушкина:

...«Старались не верить.

«Не верю! — истуканно завопил Яблоновский в «Руле». — Не верю, чтобы старый, большой и замученный патриарх всей Руси просил милостины у советского сатаны! Это ложь, это шантаж, это подлог, это обман!»

Затем были выдвинуты версии одна другой «достовернее».

Патриарха пытали и заставили его таким образом подписать свою покаянную грамоту.

Патриарха заставил освободить лорд Керзон; в этом состоял секретный пункт его ультиматума. И в карете освобожденного патриарха с ним неизменно ездит представитель английской миссии для его охраны. Эта версия усиленно поддерживалась эмиграцией; даже находились очевидцы, которые клялись и божись, что сами видели в патриаршей карете английского представителя.

Подпись патриарха подложна. Для этого в эмигрантской печати даже производилась экспертиза ее факсимиле, опубликованного в России с другими подписями Тихона, и доказывалось, что никакого сходства нет. Сам же патриарх заточен и даже отравлен.

Патриарха расстреляли, а вместо него ездит по Москве и говорит покаянные речи загримированный под него коммунист.

Весь этот бред может показаться пародией, но версия о загримированном под расстрелянного патриарха коммунисте была напечатана в софийской газете «Русь»; об отравлении — в меньшевистском «Сегодня»; экспертиза о подлоге подписи — в «Руле»; о пытках писали и «Новое Время» и «Русь» и даже милюковские «Последние новости»¹.

Однако факта опровергнуть не удалось при всем таланте белогвардейских журналистов. В наших газетах заявление Тихона было напечатано с подлинным автографом. В заграничной прессе были помещены фотографические снимки Тихона после выпуска его из заключения.

В скором времени в «Известиях» было напечатано еще одно заявление Тихона:

«В редакцию газ. «Известия ВЦИК».

Гражданин редактор!

Покорнейше прошу не отказать поместить в вашей газете следующее опровержение:

В заграничной газете «Дни» от 10 июня с. г. за № 184 напечатано послание, якобы исходившее от меня, по поводу от-

¹ „Патриоты без отечества“.

ношения нашего к ВЦУ и советской власти, датированно
6 декабря 1922 года в Донском монастыре.

Настоящим заявляю, что такого послания я не писал, что таковое является поддельным и не соответствующим нашему взгляду. Это не что иное как новая попытка зарубежных врагов советской власти использовать нас еще раз как патриарха в политических антисоветских целях.

Донской монастырь, 10 июля 1923 г. Патриарх Тихон».

Опять-таки можно видеть, что этот документ ослаблял позиции заграничных контрреволюционеров, стремившихся широко использовать дело Тихона в своих классовых целях.

Прекращение дела Тихона состоялось лишь в следующем году.

В заседании президиума ЦИК Союза ССР 29 марта 1924 г. под председательством т. Нариманова было вынесено следующее постановление

«Принимая во внимание, что гр. Белавин В. И., бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди широких масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние, так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что вследствие этого гр. Белавин, бывший патриарх Тихон, и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для советской власти, — президиум ЦИК Союза ССР постановил: дело по обвинению граждан Белавина В. И. (б. патриарха Тихона), Феноменова, Н. Г., Стадницкого, А. Г. и Гурьева, В. П. в преступлениях, предусмотренных ст. 62 и 119 Уг. кодекса РСФСР, — производством прекратить».

Покаяние Тихона вызвало многочисленные отклики трудящихся и советской прессы. Содержание писем в газеты свидетельствовало, что рабочие сомневаются в искренности Тихоновского раскаяния, видят в нем тактический ход и в то же время многие признавали положительное политическое значение этого факта. Обманывать массы Тихону и ему подобным теперь было уже гораздо труднее.

Что это было именно так, можно видеть по открытому письму рабочих ф-ки им. Клары Цеткин, напечатанному в «Известиях».

Приводим его целиком с сохранением буквального текста.

«Гражданин Белавин!

Так как вы были избраны патриархом всей Руси, то надо полагать, что вы человек образованный, а раз это так, то вы хорошо знаете такие науки, о которых мы только слышали, да и то услышали только после революции, как-то—естественные науки, химия, геология и проч. Если вы эти науки изучали или хотя бы ознакомились с ними, то вы не можете верить в то, чему учили нас, детей рабочих и крестьян, т. е. в то, что есть высшее существо—бог, который управляет миром, вселенной, повелевает и распределяет всем и вся, посылая

дожди, засухи, громы, бури, урожай, голод и проч. ужасы, и что это существо мы, народ, можем заставить изменить его намерения и сделать нам угодное, т. е. если нужно нам дождя, а дождь не идет, то стоит нам вынести на поле так наз. иконы, уплатить попу некую сумму дензнаков и будто бы поп, продавая некоторые манипуляции и заклинания, заставит тем самым считаться с нами высшее будто бы существо—и дождь пойдет и проч. и т. п., и что будто бы, если мы не будем верить в подпольские махинации и заклинания, то это высшее существо будет нам мстить, посылая безвременные дожди, засухи, неурожай, и делать проч. преступные ужасы, на которые может быть способен только самый страшный враг, преступник, дикий разбойник, а не высшее милосердное существо. Во все эти нелепые и глупые выдумки вы, как образованный человек, не можете верить...

Судя по вашему первому раскаянию в проступках перед советской властью, вы, если вы честный человек, должны быть последовательны и найти в себе достаточно мужества—раскаяться перед миллионами обманутых вашим ложным учением рабочих и крестьян и честно сказать им, что всякому овощу—свое время и время религии отжило свое назначение и должно отойти в область истории. Вместо того, чтобы переругиваться с живой, новой, древней и прочими церквями — надо открыто, смело и честно сказать, вы не можете этого не сказать, повторяем, если у вас есть хоть капля чести и совести, и если вы это скажете — народ простит ваши преступления, и кровь убитых из-за вас не будет больше беспокоить вашей совести. Ваше молчание на наше письмо будет понято нами так, что вам нечем опровергнуть наших слов и вы желаете сознательно продолжать бесчестно эксплуатировать темные массы в своих личных, корыстных интересах».

Письмо было подписано многими рабочими.

Само собой разумеется, г-р. Белавин ответить не захотел. Ответить по существу было неудобно...

В «Советской Сибири» о практических результатах раскаяния говорилось:

«Поскольку это заявление фиксирует отказ православной церкви от контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти, оно вместе с тем означает укрепление советской власти в политическом отношении и ее избавление от одного из ее важнейших врагов».

Челябинская «Советская правда» отмечала, что «своим признанием в своих преступлениях перед революционной Россией Тихон подчеркнул полное бессилие всех контрреволюционных попыток: он признался в могучей силе революционной власти, выковыывающей новое сознание даже у своих заклятых врагов».

Правда, дальнейшая роль тихоновщины нам показала, что у церковных змей есть очень много ядовитых зубов, но можно считать бесспорным, что раскаяние Тихона имело все же большое политическое значение и нанесло значительный удар религиозно-белогвардейской контрреволюции.

VIII

Классовая позиция неправославного духовенства и сектантских вожаков в 1921—1922 гг.

Мы видели, что российское православное духовенство в тяжелые дни голода 1921 г. выполняло разнообразную реакционную работу, помогая душителям революции, помогая гибели миллионов голодных.

Какую же позицию заняло духовенство католической, лютеранской, магометанской, иудейской и других религий?

Опыт гражданской войны только подтвердил, что «поп, мullah, ксендз, раввин — миром мазаны одним». И правда, все волки были серы. Все пастыри духовные были, как всегда, самыми настоящими волками в овечьих шкурах.

Правда, несколько иное положение духовенства национальностей до революции приводило к тому, что так называемые «иноверческие попы» обслуживали при самодержавии главным образом интересы «своей» национальной буржуазии. Но опыт революции 1905 г. показал, что в борьбе с революционным движением различные отряды мракобесов очень легко объединяются и дружным фронтом действуют против трудящихся. А в годы гражданской войны, когда трудящиеся всех национальностей нашего Союза были по одну сторону баррикад, а буржуазия всех национальностей — по другую, — в это время все поповские силы были опорой контрреволюции.

Начиная с первых дней Октября духовенство национальностей занимало реакционную позицию. Его антисоветская деятельность в 1917—1920 гг. выражалась в контрреволюционной агитации, в борьбе с отделением школы от церкви, в создании нелегальных объединений для реакционных целей, в содействии белогвардейцам и интервентам вплоть до службы в рядах белогвардейцев и иностранных войск. Известны факты, когда духовенство национальностей даже устраивало совместные собрания (например в Ленинграде в 1918 г.) для выработки общей платформы антисоветской деятельности.

Когда в 1921 г. начался голод, то муки голода не щадили никого. Среди голодающих были люди различных национальностей и религий.

Согласно декрету от 23/II 1922 г. нужно было брать ценности из церкви всех религий. На одном положении были православные церкви, мусульманские мечети, католические костелы, лютеранские кирки и иудейские синагоги.

И здесь в каждом религиозном объединении находились «свои Тихоны».

По примеру православных попов духовенство национальностей стало вести борьбу против изъятия ценностей. Произносились соответствующие речи, отказывались выполнять распо-

жени советских властей, возбуждали фанатизм, провоцировали столкновения, укрывали ценности и разворовывали их. Католическое духовенство — верная агентура польских пап, которым оно служило не за страх, а за совесть, вплоть до доноса, — это духовенство сплоченным фронтом выступило против изъятия. Руководитель католического духовенства епископ Цепляк 3 января 1922 г. издал для руководства ксендзов особый циркуляр, согласно которому им предлагалось не признавать декрет об отделении церкви от государства и не давать никаких сведений органам советской власти о церковном имуществе и ценностях. Когда ксендз Рутковский из г. Ярославля спросил Цепляка, как ему поступать в виду предложения местных властей дать сведения о ценностях, то Цепляк послал ему телеграмму такого содержания: «Требование незаконно, отчет не представляйте».

Согласно подобным директивам почти повсеместно католическое духовенство противодействовало изъятию ценностей. В Ленинграде в костеле «Успения Марии» прихожане, руководимые ксендзом Хвещко и его помощниками Рутковским и Пронскетим, оказали сопротивление представителям советской власти. Такое же преступление в других ленинградских костелах совершили ксендзы Эйсмонт, Юневич, Копневич, Василевский, Юнукович, Матулянис, Малецкий и Буткевич. Сопротивление изъятию ценностей сопровождалось разносторонней контрреволюционной работой.

В октябре 1922 г. в Гомеле разбиралось дело ксендза Бутковского. По материалам процесса видно, что 17 апреля Бутковский построил собрание «с целью протеста против изъятия ценностей и возбуждения верующих против советской власти». В итоге толпа напала на представителей советской власти, бросала в них комьями земли, и им едва удалось спастись от самосуда. А после этого ксендз Бутковский скрылся и по подложным документам уехал в Москву, где и был арестован. При аресте заявил, что его зовут по фамилии Луновин.

В Каменце Подольской губернии ксендзы Недзельский, Шишко, Шаманский и Дворжецкий создали целый эксцесс, причем только вмешательство вооруженной силы прекратило начавшееся выступление банды контрреволюционеров, руководимых вышеуказанными католическими попами.

Таких фактов было не мало.

Лютеранские баптисты тоже вели антисоветскую работу. Подобно ксендзам некоторые из них попали на скамьи подсудимых. Германский писатель Франц Юнг, посетивший Поволжье осенью 1921 г. и наблюдавший деятельность пасторов, сообщает такие сведения:

...«История крестьян Поволжья убеждает вас еще в том, что в течение 150 лет хищническая эксплуатация как со стороны царских слуг, так и собственной интеллигенции — учителей и пасторов — держала крестьян на низкой ступени развития и выжимала из них последние соки. Это не предположение, но факт, установленный историками этих колоний.

Голодные 1891 и 1892 гг. и тогда уже почти довели население до гибели. В то время крестьяне собрали денег для выполнения работ по мелиорации и орошению,—но они были украдены».

«Контрреволюция немецкого происхождения, — пишет Юнг, — кажется мне худшей во всем мире. Она не только жестока и лицемерна, но еще некультурна. Немецкие пастыри Поволжья — хуже животных. Предоставьте им, ради бога, заражать и дальше воздух в своих немецких ферейнах»¹.

Следует помнить также, что еще в 1918 г. лютеранские пастыри г. Ленинграда послали приветствие патриарху Тихону за его антисоветскую деятельность.

Магометанское духовенство в годы гражданской войны помогало белогвардейцам, и многие муллы служили во враждебных нам бандах. Так было на Кавказе, в Туркестане, в Сибири и на Урале. В Сибири были организованы особые отряды «зеленого знамени пророка» по типу православных «полков Иисуса». Когда проводилось изъятие ценностей, то в это время магометанское духовенство активно участвовало в басмаческом движении.

«Наиболее ярко,—пишет т. Василевский,—проявилась исламская идеология в басмачестве в 1922 г., когда басмачество Восточной Бухары возглавил Энвер-паша. Он свою громадную серебряную печать снабдил следующей надписью: «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислами, зять халифа и наместник Магомета». Лозунг «За веру ислама, против неверных джадидов, за попранные права народа», под которым муллы понимали восстановление эмирской власти, дал возможность на время мобилизовать внушительные массы дехканства»².

При такой классовой позиции мусульманского духовенства нет ничего удивительного, что муллы так же относились к изъятию ценностей, как и представители других религиозных организаций.

Наряду с православными попами и другими церковниками на скамьях подсудимых в 1922 г. оказались и раввины. В печати сообщалось о фактах их реакционной агитации и утаивания ими ценностей. Типичным примером роли иудейского духовенства в эти дни является дело «еврейского Тихона» — гомельского раввина Барышанского. Его процесс получил ряд откликов за границей, причем американская религиозная и желтая «социалистическая» пресса широко использовала тенденциозную информацию о процессе для целей антисоветской агитации. Суть дела заключалась в борьбе против закрытия религиозных школ хедеров. В этих школах прислужники еврейской буржуазии воспитывали, культивировали темноту и мракобесие, а когда был поднят вопрос о ликвидации этих гнойников, то началась целая кампания антисоветского движения. Выступая на митингах, рав-

¹ Франц Юнг — Бедствующее Поволжье.

² К. Василевский — Ислам на службе контрреволюции, стр. 50.

вин Барышанский позволял себе резкие, оскорблявшие советскую власть выпады с целью возбуждения фанатизма. За свою деятельность был приговорен к 2 годам заключения.

Едва ли не больше всех других о своей «преданности» интересам трудящихся постоянно говорят и пишут представители сектантства. Однако факты свидетельствуют о другом. Руководящие группировки сектантства по отношению к Октябрьской революции заняли отрицательную позицию. В самых разнообразных видах и формах сектантское руководство вело вредную реакционную работу на территории советской власти. Стоит вспомнить хотя бы характер агитации, распространение литературы, направленной против мероприятий советской власти, деятельность по сврыву общегражданских повинностей и многое, многое другое. Самым типичным было их отношение к обороне Страны Советов. Многочисленные директивы, направленные против обороны, агитация непротивленчества перед империалистами и белогвардейцами, отказ от службы в Красной армии, распространение за границей лживых слухов о положении в СССР и о необходимости интервенции — всем этим сектантские «братцы» помогали международному капиталу и белогвардейцам.

Голод 1921 г. конечно не изменил существа классового разрыва сектантских заправил. Правда, в силу исторических условий и благодаря своеобразию форм культа изъятие ценностей не коснулось сектантства, — но зато весьма характерна была его линия поведения в целом.

«В 1921/22 г., — рассказывают гг. А. Рейнмарус и Г. Фризен, — меннонитские колонии юга Украины и Сибири постиг урожай. Недоедали, а впоследствии голодали почти исключительно бедняки. Кулачество сохранило достаточное количество припасов, чтобы совершенно безбедно просуществовать до нового урожая. Используя нужды бедняков, кулаки заключали всякого рода сверхкабальные сделки.

В это время американские меннониты учредили специальное общество «Американская меннонитская помощь», целью которого было спасение от голода меннонитов России и Украины. Эта организация многим способствовала укреплению позиций кулачества в меннонитских колониях.

В местные комиссии по установлению нуждаемости отдельных семейств, в распределительные пункты, кухни и т. д. попадали обманным путем почти исключительно ставленники попов. Кулаков и всякие иные бывшие люди, что стало возможным благодаря оторванности бедняков и середняков от советов. Само распределение американских продуктов нельзя назвать иначе, чем дикой поповской вакханалией. Почти всюду это распределение происходило не по признаку нуждаемости, а по произволу меннонитской верхушки. Известны случаи, когда меннонитские проповедники торговали американскими продуктами (напр. в Миллерово, Великокняжеском и т. д.).

Понятно, что распределение проповедниками американских продуктов, от которых зачастую зависела жизнь бедняка и его семьи, вставило бедняцко-средняцкую массу в еще

большую зависимость от меннонитской верхушки. Следует отметить также, что по меннонитским колониям разъезжали меннонитские проповедники из Америки, которые читали здешним меннонитам наставления в духе буржуазной морали, расхваливали «чудесную» жизнь в капиталистической Америке и обычно под конец своей проповеди, выражали надежду на скорое свидание по ту сторону океана»¹.

Писатель Франц Юнг, посетивший Поволжье и местные меннонитские колонии, свидетельствует, что никакой поддержки населению местечка Мариенбург, где жили преимущественно католики, — меннониты не оказывали. «Меннониты, — пишет Юнг, — еще имеющие достаточное количество лошадей и находящиеся в благоприятном для оказания им продовольственной помощи положении, потирают себе руки, что рядом с ними погибает мариенбуржцы». Мало этого. Меннониты старались с корыстными целями использовать голод. Они по ничтожным ценам скупали имущество разбегавшегося от голода населения Мариенбурга.

Относительно баптистов и евангелистов нам известно, что в дни голода они продолжали свою антисоветскую агитацию и соответственно своим групповым интересам старались оказать поддержку лишь членам сект. В их журналах печатались заявления, что, дескать, сектантам безразличен образ правления той страны, где они живут. «Образ правления гражданского правительства, — читаем в «Слове истины», — не касается нас: мы можем подчиняться всякому образу правления, но нам лучше живется при более демократическом (народном) образе правления; и наше убеждение таково, что нам лучше вовсе избегать политики»².

Приведенные слова взяты из речи председателя Всемирного союза баптистов д-ра Клиффорда, произнесенной еще в 1911 г., а теперь сектантские проповедники сочли нужным ее напечатать, чтобы показать, что советская власть для них несколько не лучше, чем власть эксплуататоров. Тезис свидетельствует о классовой позиции сектантства. Что же касается упоминания о «народной власти», то таковой баптисты считают господство буржуазии в странах капитала. Вместо реальной помощи голодным вся эта публика считала за благо отравлять массы своей реакционной литературой, издаваемой в громадном количестве. О деятельности «сектантских» «братцев» в голодающих местностях можно судить по тому факту, что один из баптистских верховодов, В. И. Колесников, подвизаясь в г. Астрахани (поездка была совершена в целях реакционной агитации среди молодежи), был арестован Губернской чрезвычайной комиссией и месяц сидел в заключении. В г. Бузулук б. Самарской губернии В. Г. Колесников, А. И. Кузнецов и группа других баптистов тоже были арестованы в марте 1922 г. Хороша же была их «помощь голодным», если ее приходилось ликвидировать такими мерами.

О деятельности старообрядцев в Сибири в 1921—1922 гг. т. Дологов сообщает такие сведения:

¹ А. Реймарус и Г. Фризен — Меннониты, стр. 59 — 60.

² „ Слово истины“, 1921 г., № 3 — 4, стр. 21.

«Вместе с остатками колчаковской белогвардейщины откатились на восток и активные деятели контрреволюции из среды старообрядчества. В своем журнале «Дальневосточный старообрядец», издателем которого являлся особый отдел управления военно-морского ведомства, в 1922 г. они призвали верующих к борьбе против большевиков. Главнокомандующему Дитерихсу старообрядцами было преподнесено знамя с надписью: «сим победиши, с нами бог». Старообрядцами пополнялись белогвардейские банды атамана Семенова и барона Унгерна.

В июле 1922 г. во Владивостоке был созван земский собор с докладом о деятельности временного приамурского правительствия, и на этом соборе были представители старообрядцев, которые повидимому в полной мере разделяли политику дальневосточного духовенства, выраженную в выступлении архиепископа Мефодия с приветствием собору:

«Я в своем приветствии земскому собору ясно и определенно уже высказал, что только священная царская власть может спасти родину и что эта священная царская власть должна быть вручена одному из представителей дома Романовых!»...

Когда в Сибири укрепилась советская власть, «вожди» старообрядчества не прекратили свою активную контрреволюционную работу и в пределах Сибирского края. Ярким примером этого может служить факт нелегального существования типографии в Томском округе в 1921 году...

В 1921 г. Амфилофий переехал в свой скит, в Томский округ, и вместе с собою поселил бывшего представителя от старообрядческого духовенства в Сибирской областной думе Мельникова и бывшего редактора журнала «Сибирский старообрядец» Суворова, скрывавшегося под тремя фамилиями — Аникеева, Пономарева и Тарасенко.

Суворов из Барнаула привез в Томск типографское оборудование, которое на монастырских лошадях было отправлено в скит. Мельников и Суворов поселились в секретной келии, в версте от скита, и приступили к печатанию контрреволюционных листовок, которые снабжались подписью «Агитотдела Сибирской боевой организации». Старообрядческий епископ томско-алтайской епархии Тихон снабжал скит бумагой и принимал участие в распространении отпечатанных листовок¹.

Из приведенных далее т. Долотовым примеров старообрядческих листовок можно видеть, что они призывали красноармейцев к дезертирству и восстаниям, рабочим предлагали вести борьбу с коммунистической партией, тут же печатались антисемитские погромные обращения и т. д. и т. п.

Затруднения голода были использованы старообрядческими деятелями для борьбы с советской властью. Что же касается голодных, то старообрядчество было равнодушно к их страданиям и занимало такую же позицию, как Карловицкий собор и господина Рябушинские.

¹ А. Долотов. Церковь и сектанство в Сибири, стр. 65-66.

Приведенные факты говорят нам, что роль духовенства национальностей, роль сектантских и старообрядческих руководителей по существу ничем не отличалась от «работы» православных попов.

IX

Контрреволюционная позиция меньшевиков

В связи с голодом и изъятием ценностей особенного внимания заслуживает позиция меньшевиков. Прежде всего однако стоит напомнить несколько фактов из эпохи гражданской войны.

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. и переходе власти к буржуазному Временному правительству меньшевики становятся одной из правительственных партий. Они всемерно отстаивали интересы буржуазии и помещиков. Виднейшие представители меньшевиков (Церетели и другие) были членами Временного правительства.

В лице церковных и сектантских организаций меньшевики видели своих союзников по обману масс. На этой почве установился блок меньшевиков и поповщины.

Среди различных группировок и течений православного духовенства наибольшей симпатией со стороны меньшевиков пользовался «Союз прогрессивного и демократического духовенства и мирян», представлявший собой «левый фланг» поповщины. Представитель этого союза по приглашению меньшевика Чхеидзе участвовал в так называемом «Демократическом совещании», созванном осенью 1917 г. для борьбы с пролетарским революционным движением.

Тесное сближение меньшевиков и поповщины можно было видеть и накануне Октябрьской революции. Это объединение происходило на почве роста революционного движения, так как наступление революции спланивало силы контрреволюции.

В октябре 1917 г. власть перешла в руки пролетариата. В борьбе против Октябрьской революции меньшевики вместе с духовенством развернули широкую антисоветскую деятельность.

Поповская агитация с успехом использовала выпады меньшевиков против советской власти, а меньшевики с таким же старанием использовали поповские басни о «гонении на религию», «уничтожении Кремля», «разгроме церквей» и т. д.

23 января 1918 г. был издан декрет об отделении церкви от государства и церкви от школы. Согласно декрету все церковные богатства (земельные владения, капиталы и т. д.) были объявлены народной собственностью. Защищая своих союзников, меньшевики выступили на стороне поповщины, искажая смысл и значение декрета и мешая его проведению в жизнь. Антисоветские «религиозные» выступления в Ленинграде, Москве, Туле и в других городах встретили поддержку меньшевиков и их прессы.

На территории белых меньшевики и церковники служили интересам белогвардейщины.

Те и другие участвовали в вооруженной борьбе против Красной армии.

В позиции социал-предателей и мразобесов по отношению к интервенции следует отметить, что контрреволюционная, анти-советская деятельность меньшевиков, церковников и сектантов подготавлила благоприятные условия для интервенции.

Контрреволюционные статьи и обращения меньшевиков и попов, посылаемые за границу, искажали события в Советской стране. В этих материалах были призывы к интервенции. Когда войска интервентов вторгались в пределы Советской республики и сообща с белогвардейцами начинали вести борьбу с Красной армией, то социал-предатели и представители церкви оказывали им поддержку.

Заслуживает внимания, что например в Одессе меньшевик Гарзи в своей антисоветской деятельности получал поддержку со стороны митрополита Платона, а митрополит Платон — монархист и организатор белогвардейских банд — не меньшую поддержку видел со стороны меньшевиков.

Наиболее тесный блок меньшевиков и церковников можно видеть на примере Грузии. Здесь в течение ряда лет господствовала меньшевистская диктатура, причем революционное движение рабочих и крестьян подавлялось самыми жестокими мерами. Грузинские церковники помогали меньшевикам.

В общем отношение меньшевиков к религии определялось классовой природой меньшевизма. Это отношение вместе с тем свидетельствует о политической физиономии меньшевизма как контрреволюционной силы.

Как относились меньшевики к борьбе с голодом, можно видеть на примере воззвания, напечатанного в № 14/1 «Социалистического вестника» от 1 сентября 1921 г.

Содержание этого документа ярко свидетельствует о контрреволюционной позиции меньшевизма, считавшего нужным использовать голод для усиления антисоветского движения. Здесь были напечатаны выпады по адресу советской власти и партии:

«Надо ясно понять,—писали меньшевики,—что спасение страны от голода и полной хозяйственной гибели возможно только при немедленном создании условий, которые обеспечили бы быструю и широкую помощь из-за границы и прилив иностранных капиталов, развитие частной инициативы и хозяйственной самостоятельности внутри страны»...

Далее говорилось:

«Для создания необходимых условий хозяйственного возрождения должна быть немедленно и решительно изменена экономическая и общая политика Российской республики».

Таким образом, для борьбы с голодом меньшевики предлагали в качестве первого средства возврат капиталистических порядков и столь ценное им «развертывание частной инициативы».

В качестве конкретных требований дальнейшее содержание воззвания предлагало добиваться свободы буржуазной печати, прекращения борьбы с контрреволюционерами, денационализации промышленности и т. д. и т. п.

Это контрреволюционное воззвание меньшевики распространяли и на советской территории. Сообщая о переселении крестьяне Поволжья, заграничная меньшевистская пресса провокаторски лгала о «репрессиях» со стороны советской власти и заявляла, что «особенно жестоки были расправы против немецких колонистов».

Одновременно меньшевики работали, чтобы сорвать помощь голодающим со стороны рабочих капиталистических стран. Этой цели они старались достигнуть путем клеветнической антисоветской агитации. Пример этого дает нам выступление Р. Абрамовича на съезде германской независимой социал-демократической партии в Лейпциге. Абрамович выступал в качестве представителя российских меньшевиков. В своем выступлении называл Советскую Россию «полицейским» и «бонапартистским» государством. Он нагло лгал, что в Орловской тюрьме оставлена на местах «старая администрация времен самодержавия». Здесь были многочисленные выпады по поводу фантастических «мучений», которым якобы подвергаются меньшевики на территории СССР. Абрамович призывал к оказанию содействия и помощи контрреволюционерам. О помощи голодающим меньшевистский представитель не сказал ни слова.

Отношение меньшевиков к изъятию ценностей разъяснила статья меньшевика Д. Далина в № 9 «Социалистического вестника» от 2 мая 1922 г. Статья называлась «Девственная любовь и коммунистическая монополия». Меньшевистский писака считал нужным в первой своей части статьи «отгородиться» от позиции черносотенной эмиграции, призывавшей в «Руле» к антисоветской деятельности в связи с изъятием ценностей. Далин указывал, что в годы гражданской войны сами белогвардейцы занимались грабежом церквей. Вывод был тот, что с позицией черносотенной эмиграции меньшевики якобы не согласны.

После этого говорилось:

«Но точно так же совершенно несомненно, что политические методы большевистского правительства чрезвычайно затрудняют, подчас делают невозможной ту самую работу, которую оно производит в борьбе с голодом».

Далее шли трафаретные выпады против деятельности советской власти, причем указывалось, что якобы массы не доверяют советской власти, и в качестве всеисцеляющего средства рекомендовалось восстановить свободу буржуазной печати и т. д. и т. п.

«Нет ничего удивительного в том,—писал Далин,—что то здесь, то там приходится выдерживать атаку возмущенной толпы, которая убеждена, что погибает ее вера и что ее церковное достояние будет разграблено».

Таким образом, по мнению Далина и ему подобных, массы трудящихся шли против советской власти и не желали изъятия ценностей. На самом деле это заявление было явной ложью. Именно по просьбе рабочих и крестьян ВЦИК'ом был издан декрет об изъятии ценностей. Эксцессы в связи с изъятием ценностей были вызваны вовсе не тем, что массы трудящихся города

и деревни шли против советской власти. В действительности лишь активная контрреволюционная работа белогвардейцев, попов и гив советских мероприятий, нет, на основе не массы шли про- ных мы знаем, что сопротивлявшиеся изъятию бесспорных дан- шинстве состояли из кулаков, лавочников, буржуазной молодежи и тому подобной публики. Только немногие рабочие и крестьяне- бедняки были сироводированы контрреволюционерами. Следова- вательно Далин нагло лгал в своих антисоветских выпадах.

В борьбе с религиозной контрреволюцией советской власти пришлось принять необходимые меры защиты. Ряд цер- ковников, организовавших белогвардейское движение и сопро- тивление изъятию ценностей с расчетом свергнуть таким путем советскую власть, был привлечен к различным формам ответст- венности, а некоторые приговорены к высшей мере социальной защиты. Иначе действовать, ясное дело, было невозможно, так как иная политика вредила бы интересам пролетариата и обрекла бы на голод и смерть миллионы трудящихся СССР.

Одним из наиболее активных контрреволюционеров был пе- тербургский митрополит Вениамин. Под его руководством духо- венству удалось создать целый ряд выступлений. Выше сообщалось, что в революционный трибунал Ленинграда поступило 41 дело о сопротивлении изъятию ценностей. Следствие и судеб- ный разбор установили провокационную, контрреволюционную деятельность Вениамина. В итоге он был приговорен к высшей мере социальной защиты. Учитывая характер событий, ВЦИК утвердил справедливый приговор Ревтрибунала.

На это решение «Социалистический вестник» откликнулся статьей под заглавием «Безумие и жестокость».

Здесь говорилось:

...«Итак, снова кровь, снова бессмысленная провокация ненависти! Пусть преступными, пусть даже только корыстны- ми мотивами обусловлена эта агитация священников против изъятия—нет таких соображений, которые требовали бы кро- вавой жертвы, способной лишь освятить в глазах народных масс эту самую агитацию!.. Уже английская рабочая партия опубликовала протест против преследования духовенства в России. Непоправимый вред принесут эти преследования все- му делу русской революции, и невольно думается, что адская воля самых реакционных ее врагов водит за кулисами рукою идиотов, подписывающих и предписывающих эти безумные кровавые приговоры».

Эти слова меньшевистского «протеста» показывают лицо мезуитской меньшевистской контрреволюции. Как известно, от многих тысяч рабочих и крестьян в советские органы поступали резолюции с требованием принятия решительных мер борьбы по отношению к зарвавшимся церковным контрреволюционерам. Следовательно явной ложью было утверждение, что трудящиеся СССР против необходимой борьбы с попами-контрреволюционе- рами. Поповскую контрреволюционную работу, имевшую своим назначением свержение советской власти, меньшевистский писака

называет «ничтожнейшим поводом»! Хороши же «ничтожные» поводы, когда эта деятельность по директивам белогвардейской эмиграции вела к тому, чтобы уморить муками голода миллионы рабочих и крестьян СССР. А в заключение, как видим, говорилось, что борьба с контрреволюцией «повредит» делу революции! В конечном счете мы видим обычный меньшевистский обман и подлость.

Меньшевистские надежды, что голод задушит советскую власть и поможет восстановить столь дорогой для них капиталистический «демократизм», — эти надежды не осуществились. Белогвардейцы, меньшевики и попы не достигли своих целей.

Голод был побежден, и трудящиеся Советского Союза под руководством коммунистической партии приступили к великой работе на фронте социалистического строительства.

X

Наша агитационно-пропагандистская работа в связи с изъятием ценностей

Было бы ошибкой думать, что борьба с голодом и изъятие церковных ценностей проводилась лишь путем административных мероприятий. На самом деле коммунистическая партия и советская власть в связи с этими событиями выполнили громадную разъяснительную работу, давшую огромные положительные результаты. Наша печать выполняет гигантскую роль коллективного организатора, агитатора и пропагандиста. В соответствии с этим, начиная с лета 1921 г., когда опасность голода стала реальной, в печати и устной агитации началась разъяснительная работа, призывавшая к организации отпора бедствиям голода. Просматривая пожелтевшие от времени листки современных газет, и в первую очередь «Правды» и «Известий», можно наглядно видеть, что мероприятия по борьбе с голодом сопровождалась широкой агитационно-пропагандистской работой. Только этим и можно объяснить, что, несмотря на бесконечные препятствия, созданные исключительно тяжелой обстановкой тех дней и наследством прошлого, трудящиеся СССР могли под твердым руководством партии победить ужасы голода.

Разъяснительная кампания была развернута также в связи с изъятием ценностей. В этом направлении в первую очередь была использована периодика, а затем был издан ряд специальных брошюр. Читая литературу такого рода, видим, что ее содержание разъясняло массам смысл и значение событий, были объяснены мероприятия советских органов, разоблачена позиция церкви. Крупнейшую, исторического значения работу выполнил в этой области V (ликвидационный) отдел Наркомюста, работавший под руководством П. А. Красикова.

Еще в годы гражданской войны этот отдел (называвшийся тогда VIII отделом) развернул разнообразную агитационную и

- издательскую деятельность. В отчете VIII отдела VIII Съезду советов указывалось, что работниками VIII отдела было организовано 411 устных выступлений (лекций, митингов, диспутов) с общим количеством слушателей 232 720 человек, и кроме того VIII отделом было издано 465 000 экземпляров периодических и неперидических изданий. В частности прекрасный плакат т. Мора «Попы помогают капиталу и мешают рабочему» был распространен в количестве 40 000 экземпляров.

Помимо этого за годы гражданской войны Государственным издательством и его местными отделениями было издано несколько десятков антирелигиозных брошюр, среди которых наибольшим успехом пользовались брошюры т. И. Скворцова-Степанова «Беседы о вере», «Благочестивые размышления» и т. д. Широкое распространение получили также брошюры т. Лукина «Церковь и государство» и т. Бляхина «Как попы дурманят народ». Потребность в антирелигиозной литературе была громадна. К сожалению реальная возможность ее удовлетворения была недостаточна.

В 1921 г. крупнейшую роль в антирелигиозной агитации и пропаганде опять-таки выполнил отдел Наркомюста. В отчете по этому вопросу сообщается:

«Работа V отдела в области антирелигиозной агитации и пропаганды шла в 1921 г. по трем направлениям: 1) разработка методов и самого содержания антирелигиозной агитации и пропаганды. 2) публичные выступления по религиозному вопросу на фабриках, заводах и красноармейских частях, в партийных собраниях, на съездах и конференциях и 3) издательская деятельность.

Нет никакого сомнения, что широкие массы трудящихся в настоящее время уже не удовлетворяются теми приемами антирелигиозной агитации, которые, может быть, имели свое значение в первые же дни по Октябрьской революции, при разбитии старого ведомственного аппарата церкви.

Агитатор-антирелигиозник, не имеющий в своем арсенале никаких других приемов кроме тех, которые дает ему старое французское поповство, сейчас уже не может удовлетворить аудиторию, требующую возможно более глубокой и серьезной постановки антирелигиозной пропаганды. Трудящиеся массы сейчас требуют, чтобы на место старого религиозного понимания ставилась стройная коммунистическая научная система, обнимающая и объясняющая вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии. Вместо дешевых эффектов и барабанного боя—серьезная, научная культурно-просветительная работа, подводящая естественнонаучный фундамент под историческое освещение вопроса о религии.

Эти мысли были между прочим вложены в доклад ведущего V отделом т. Красикова на X партийном съезде, по которому съезд принял соответствующую резолюцию. Этой резолюцией антирелигиозная агитация и пропаганда была признана одной из существенных задач Главполитпросвета.

Для лекторов и агитаторов г. Москвы т. Красиковым прочитан в МК инструктивный доклад по религиозному вопросу, вызвавший обширную дискуссию; им же совместно с т. Галкиным прочитан такой же инструктивный доклад «О методах и содержании антирелигиозной пропаганды» в ЦК для петроградских работников в области антирелигиозной пропаганды.

Что касается организации лекций, митингов, диспутов и других публичных выступлений, то они, как и в прошлом, 1920 г., шли в прежнем направлении, не замыкаясь пределами одной Москвы...

Независимо от сего тт. Красиковым и Галкиным неоднократно делались доклады на губернских, уездных и волостных съездах советов о советской политике в религиозном вопросе.

Издательская деятельность V отдела в 1921 г. выражалась в издании:

а) журнала «Революция и церковь», б) стенной газеты «Революция и церковь» и в) отдельных брошюр.

Ряд независимых от редакции обстоятельств лишил V отдел возможности распространить в достаточном, сравнительно с огромной потребностью, количестве экземпляров...

Нужно иметь в виду, что поступающие с мест требования на литературу V отделом удовлетворялись далеко не в полном размере — при имевшихся в распоряжении V отдела крайне ограниченных ресурсах зачастую приходилось удовлетворять только 50 и даже 30—25% каждого отдельного поступившего требования.

Большое оживление в редакционную работу внесло издание стенной газеты «Революция и церковь». Сразу же завязались оживленные сношения с провинцией, наметился кадр постоянных корреспондентов, главным образом из среды самих рабочих и крестьян; о размерах оживления этой работы приблизительное представление может дать количество входящих и исходящих бумаг только по редакции (не считая V отдела).

Если в 1919 г. входящих номеров имелось 765, в 1920 г. — 571, то 1921 г. дает резкий скачок вверх до цифры 2 038. Исходящих бумаг в 1919 г. по редакционной книге было — 1 648, 1920 г. — 1 082 и в 1921 г. 3 335.

Редакцией было получено 2 456 писем — откликов с мест, представляющих весьма ценное значение для учета тех настроений в области религиозного вопроса, которые наблюдались в 1921 г., главным образом в самой же деревне, у сохи землероба, или у рабочего станка, на фабриках и заводах.

За этот год работниками V отдела было проведено 203 устных выступлений, главным образом в Москве и ближайших городах, на которых присутствовало около 113 400 слушателей. Новых изданий было 320 000 экземпляров, в том числе 40 000 экз. журнала «Революция и церковь», 180 000 экз. стенной газеты «Революция и церковь» (с 1 по № 5) и 100 000 экз. брошюры т. Горева «Засуха».

Помимо этого распространялись издания, выходившие в 1919 и 1920 гг.

Во всей этой продукции для массовой агитации особенно большое значение имела стенная газета «Революция и церковь». Упомянутые в отчете отклики рабочих, крестьян и красноармейцев ярко свидетельствовали, какую громадную работу выполняла эта газета.

В письмах рабочих, крестьян и красноармейцев говорилось:

«Газета меня очень заинтересовала», «газета приносит громадную пользу», «любимая газета», «газету с жадностью прочел», «нашел в газете все правильным», «газета сыграет огромную роль в борьбе с темнотой», «когда прочел газету, поверил, как попы обманывали народ», «газета меня поразила, ничего подобного я раньше не читал» и т. д. и т. п.

Из этих отзывов можно видеть, что еще накануне изъятия ценностей наша агитация и пропаганда исполнила громадную работу по разоблачению классовой сущности религии. Что же касается работы Гиза, то в 1921 г. антирелигиозной литературы было выпущено очень мало.

В 1922 г. в связи с изъятием ценностей был издан целый ряд брошюр т. М. Горева помимо вышеуказанной «Засухи». Тут прежде всего следует указать на брошюру «Материалы для агитации по вопросу об изъятии церковных ценностей для голодных», изданную от имени Главного политико-просветительного комитета.

Здесь были показаны размеры голода, дано объяснение причин неурожая, указаны основные задачи по борьбе с голодом, кратко изложены сведения о церковных богатствах, и сообщено несколько фактов о реакционной роли церкви. К каждому разделу брошюры был дан список необходимой литературы и в заключение довольно подробный список статей в московских и ленинградских газетах.

Помимо этого Главполитпросветом была издана брошюра того же автора «Церковные богатства и голод России», а книгоиздательством «Наука и религия» брошюры «Откуда неурожай и голодовки» и «Карловицкий собор».

№ 1—3 журнала «Революция и церковь» за 1922 г. (январь—март) в своей большей части был посвящен борьбе с голодом и вопросам изъятия ценностей. Тут были напечатаны ценные статьи т. Красикова «Голод и христианство», «Сверхъестественная сила», «Черный собор, или заговор против рабоче-крестьянской России». Содержание статей давало самый разнообразный материал для агитаторов.

С весны 1922 г. начала выходить газета «Наука и религия», являвшаяся предшественницей газеты «Безбожник». В общем в 1922 г. вышло 26 номеров. В этом же году книгоиздательством «Наука и религия» был издан № 1 журнала «Наука и религия», имевший подзаголовок «Церковное золото голодным» и целиком посвященный голоду и изъятию церковных ценностей. Богатый фактический материал этого издания с успехом мог быть использован нашими агитаторами, однако он вышел лишь во второй по-

ловине 1922 г.¹ Следует констатировать, что газета «Наука и религия» и журнал (редактором был т. Горев) не были идеологически выдержаны, хотя бесспорно в обстановке тех дней выполнили все же полезную работу.

Большое значение в разъяснительной кампании имел плакат, сыгравший в годы гражданской войны крупнейшую агитационную роль. Тут в первую очередь следует отметить работы тт. Мороз, Черемных и Мельникова («Помоги!», «Богатырский бой», «Товарищи, граждане...», «Надо помочь голодающей Волге...», «Десять сытых накормят одного голодного», «Спасите нас», «По копейке с крестьянства — собралось церковью убранство...», «Церковные ценности голодным» и т. д.). Вячеслав Полонский в своей известной монографии «Русский революционный плакат» указывает, что в связи с голодом и изъятием ценностей было издано 26 плакатов. Их общий тираж составил очевидно не менее 500 000 экземпляров. Кроме того, на многих других плакатах вопросы борьбы с голодом и изъятия ценностей были затронуты частично.

По поручению МК ВКП(б) т. Красниковым были написаны тезисы для агитации и пропаганды в связи с изъятием ценностей, получившие широкое распространение и послужившие прекрасным материалом для наших докладчиков. Здесь было дано объяснение исторической позиции церкви в прошлом и в годы гражданской войны, объяснены причины голода, дана яркая характеристика классово-религиозных организаций в борьбе против изъятия и указаны основные вехи нашей тактики.

Все эти факты свидетельствуют, какая громадная, разносторонняя и самая разнообразная работа в области разъяснительной кампании была проделана партией и советской властью. Наша агитация открывала глаза массам, объясняла им действительное значение событий, мобилизовала массы на борьбу с голодом. Под твердым партийным руководством все затруднения, и в том числе контрреволюционная деятельность церковников, были побеждены, и окрепшая страна смогла перейти к восстановлению хозяйства.

¹ В этом издании на стр. 25—27 напечатан фельетон т. Горева под заголовком «Из папки апокрифов: секретное послание патриарха Тихона спархиальным преосвященным». Этот фельетон ввел в заблуждение некоторых антирелигиозников, объявивших его «подлинным» посланием Тихона и печатно утверждавшим свое мнение (см. работы т.т. М. Покровского, В. Шишкова, сборник «История классовой борьбы в царской России и религия» и т. д.). Это мнение — грубая ошибка.

Заключение

Наши враги надеялись, что голод 1921—1922 гг. приведет страну в такое состояние разрухи, при котором можно будет свергнуть советскую власть. Так думали и мечтали враги трудящихся за границей и на советской территории.

Но они просчитались...

Воля к победе, железная мощь миллионов, организованность и мужество трудового люда перенесли все испытания. Страна нищая, разоренная, истощенная до последней степени—эта страна сумела пережить и победить все тягости, все испытания черных дней.

Черный церковный фронт был разгромлен и побежден. Ставка на веру, на силу духовного рабства, на прочность проклятых традиций мрачного прошлого — эта ставка была разбита. Твердо и решительно пролетарское правосудие ответило на все выступления и вылазки классового врага. Ошибки темных и невольных пособников религиозной контрреволюции были поняты и оценены, а те, кто расчетливо и хладнокровно готовил кровавые эксцессы и зарево восстаний, — все они получили по действительным заслугам.

Конечно за границей поднялся вой. Нас упрекали в жестокости, несправедливости, гонениях на религию. Иначе и быть не могло. Ведь на скамьях подсудимых сидели те, кто выполнял социальный заказ международной контрреволюции и проиграл игру.

Но действовать иначе было нельзя. Ко всем тем, кто под покровом религии, по воле мирового капитала, в союзе с белогвардейщиной организовывал антисоветское движение, презрев при этом неслыханные страдания голодных, — ко всем ним не могло быть другого отношения. Или так, или иначе — другого выбора не было и не могло быть.

Правильность именно такого отношения понимали широкие массы трудящихся. Когда на станции Козьмодемьянск на собрании железнодорожников и служащих обсуждался вопрос о контрреволюционной деятельности церковников и Тихона, то собранием была принята резолюция, осудившая Тихона, как непримиримого врага трудящихся. «Самой лучшей мерой воздаяния бывшему патриарху, — говорилось в резолюции, — за всю его работу была высшая мера наказания — расстрел».

На собрании трудящихся г. Глазова тоже была принята резолюция, и тут указывалось, что собравшиеся «клеят позором

Тихона, как предатели рабочих и крестьян, прикрывшегося личиной религии и церкви».

Таких примеров можно было бы привести очень много.

Одновременно трудящиеся могли видеть, как советские органы учитывают, что религиозная контрреволюция использует в своих интересах религиозность части трудящихся, и в соответствии с интересами дела к невольным пособникам поповщины проявляется полное понимание их неосознанности и темноты.

В селе Давидкове Звенигородского уезда Московской губернии были волнения при изъятии ценностей. Под влиянием агитации местной учительницы, дочери недавно умершего попа Разумова, крестьяне села, собравшись толпой, сделали попытки отобрать ценности от комиссии. Были выкрики, «бей их, грабителей». Дело закончилось судебным разбором Московского революционного трибунала здесь же на месте.

«Перед судом рабочих и крестьян,—говорил крестьянам председатель сессии Трибунала,—надо говорить правду. Это не царский суд, который защищал интересы помещиков и буржуазии. Перед царским судом не могли рабочие и крестьяне говорить всей правды. Трибунал защищает интересы рабочих и крестьян. Для их защиты он и создан. Трибунала могут бояться только враги крестьян и рабочих... Говорите правду».

Присутствуя при разборе дела, крестьянская масса и участники волнений из ее среды имели возможность убедиться, что суд Трибунала соответствует интересам трудящихся.

Судебный процесс полностью разоблачил контрреволюционную работу кулаков и церковников. Крестьяне убедились, что изъятие церковных ценностей было необходимо для спасения голодных.

Читают приговор:

«Принимая во внимание темноту, неосознанность обвиняемых, — говорил председатель, — несудимость в прошлом, имея в виду, что для обвиняемых, как крестьян, наступает время полевых работ и заключение их в тюрьму может разрушить их хозяйства... лишить их права быть избираемыми в совет и применить условное осуждение... Разумовой—запретить быть учительницей и ввиду ее молодости, неосознанности применить условное осуждение».

Тов. Луниц, очевидец суда, рассказывает об отношении к нему крестьян:

«Кончил читать председатель... Словно колыхнул кто всю толпу.

— Да здравствует советский суд!

Все, как один, от радости захлопали в ладоши.

Наверху шумели деревья. Мигали звезды... А внизу, под деревьями долго еще раздавались радостные крики, и шли шумные разговоры.

— Вот так рассудили!.. Правильно..

— Теперь, брат, я и в церковь ходить не буду,—говорит очумелый от неожиданности один из осужденных.

— Кабы до изъятия этого самого приехали сюда да все это толком разъяснили, ничего бы и не было,—говорит другой.

— Сказано ведь, суд, который, значит, антиресы крестьянские...

А старый и седой, как лушь, старик с горящими глазами возбужденно говорит окружающим его крестьянам:

— А я вот хоть сейчас—коль надеть—на колокольную, колокола эти самые изымать полезу»¹.

Эти слова конечно не были фразой без содержания. Действительно, крупнейшее значение всего пережитого и наблюдение церковной позиции по отношению к голоду сыграли большую роль в отношении масс к церкви и религии.

Первоначально, по традициям прежних лет, крестьянское население пробовало применять для борьбы с засухой и угрожающим голодом старые, дедовские, рабские, темные обычаи. Летом 1921 г. на Поволжье можно было наблюдать всевозможные моления о дожде и испослании урожая. Устраивали крестьяне ходы, окропляли пути «свистой водой», призывали небесных стражников, над сожженными солнцем полями звучали поповские заклинания. В одном местечке даже была сожжена огромная свеча «салтан-штатомлец» весом до 650 кг воска. Вместо подсвечника служила кадка. Все это не дало никому кроме попов положительных результатов. Им, паразитам, носили муку, яйца, последние продукты.

Настали дни голода.

В крестьянских хатах не было хлеба, не оставалось ни крошки продуктов. Взрослые и дети были обречены на медленное умирание. В хатах Поволжья миллионы людей переживали муки голода. Проходили день за днем, истощались силы, потухало сознание, гибли жизни.

В эти мрачные дни сколько раз, сколько миллионов людей с бесплодной тоской, с болезненной и напрасной надеждой смотрели на лики своих домашних идолов-икон. Сколько раз бессильно губы шептали слова молитвы, и эти люди тогда еще верили в помощь неба.

Но бога нет и не было от века!

Так было миллионы раз. Молчало небо, когда в болезненном бреде мегались замученные голодом люди; молчало небо, когда воровали трупы и питались ими; молчало небо, когда озверевшие и доведенные до последней границы отчаяния люди убивали людей, чтобы кровью и мясом человека утолить безумную муку голода; молчало небо, когда родители бросали маленьких детей, когда тысячи малюток погибали под забором или где-нибудь в уголке хаты; молчало небо, когда матери и отцы в состоянии тупого и безграничного горя убивали детей...

Отклика не было — бога нет.

Этот вывод для многих и многих был неизбежен.

А церковь всецело работала на классовом фронте, работала

¹ Газета „Наука и религия“ 1922 г., № 6, стр. 7.

град удушением голодных, организуя эксцессы и восстания, провозглашая свое «стадо» на низвержение власти трудящихся. Всем этим церковь еще и еще раз показала массам свою подлинную эксплуататорскую сущность.

Всегда бывает так, что в самые острые моменты классовых битв религиозные организации мобилизуют все свои возможности на помощь эксплуататорским классам, на помощь обреченному на слом. Эта поддержка очень часто дает большие результаты. Но вместе с тем наступают и противоположные итоги. Как-раз те, на кого делается ставка и кто призывается быть слепым орудием реакции, — постепенно и незаметно прозревают.

Спадают шоры, рассеивается туман, и становится ясным, что религия — враг трудового люда.

«В селе Синютках Волынской губернии,—сообщала печать,—по постановлению сельского схода закрыта церковь. Здание будет использовано для культурно-просветительных целей. Крестьяне села Каледина Московской губ. большинством голосов решили закрыть местную церковь»...

В газетах появились письма крестьянских корреспондентов с предложением передать колокола на нужды электрификации. Во многих местах крестьянство стало отказываться платить поповский налог, кое-где показали попам от ворот поворот. В селе Сухом Брежневской волости Кобелякского уезда крестьяне приняли решение церковь закрыть и передать ее под школу. Уездный отдел народного образования не дал движения инициативе крестьян, но последние стали хлопотать дальше и обратились в губернский отдел народного образования. В селе Оланш Кандаляшской волости Петрозаводской губернии крестьянский сход единогласно постановил устроить клуб в здании церкви. Отчет V отдела Наркомюста за 1923 г. в качестве характерного явления отметил «стремление трудящихся ликвидировать на местах молитвенные здания».

Процессы церковников по делам об изъятии ценностей повсеместно вызвали резкое порицание поповской работе со стороны трудящихся. Появилось значительное количество антирелигиозных корреспонденций, свидетельствующих о лопимании трудящимися церковного обмана и классовой роли религии. Во многих местах по инициативе масс вместо церковных стали организовывать гражданские похороны. Влияние религиозной обрядности ослабло.

В этот период в разных местах СССР возникли зачатки общественного антирелигиозного движения. Появились первые кружки и группы безбожников, положившие начало Союзу безбожников. Сообщения прессы отмечали огромный перелом в сознании масс, на своем собственном опыте наглядно увидевших враждебную для трудящихся классовую сущность религии.

Церковный корабль дал трещину. Появились письма попов с отказом от своей профессии. Церковные крысы почувствовали опасность гибели. В среде церковников начался распад, возникла «живая церковь» и целый ряд других течений, свидетельствующих о церковной смене вех, о попытках церковников спасти цер-

ловь от окончательного развала и крушения. Духовенство стремилось приспособиться к новым условиям, чтобы в обновленной личности укрепить свое пошатнувшееся положение. Довольно широкое распространение получает «окраска под социализм» как новая форма религиозной мимикрии.

Но путь трудящихся лежал в другую сторону — в сторону развернутого социалистического строительства, культурной революции, решительной переделки общества на новых, коммунистических началах.

Организаторы религиозно-белогвардейской контрреволюции надеялись, что церковная кампания 1921—1922 гг. приведет к крушению советской власти и к укреплению религиозного влияния, — но эти надежды не осуществились. Победив голод, рабочие и крестьяне Советского Союза занялись восстановлением хозяйства и строительством новой жизни, в которой не будет никакого места для религиозного мрака и духовного рабства.

* * *

Со времени описанных событий прошел десяток лет. Эти годы в корне изменили лицо страны. Под руководством коммунистической партии успешно выполняется великий план социалистического переустройства жизни. Каждый день мы отмечаем новыми победами. Стихийные силы природы все в большей степени переходят на службу разумно организованного труда. Новые и новые гиганты вступают в ряды социалистической промышленности. Выполняется план электрификации. Отмирает технически отсталое индивидуальное крестьянское хозяйство — растут колхозы и совхозы. На основе сплошной коллективизации ликвидируется последний эксплуататорский класс — кулачество. Поволжье в прошлом и Поволжье теперь — представляют несоизмеримые величины. При господстве эксплуататорских классов на территории Поволжья периодически повторялись неурожаи. С 1891 г. по 1911 г. три раза здесь были голодовки, 13 лет отмечен неурожай, и только 5 лет был собран хлеб в достаточном количестве. При гнете царизма, при власти помещиков и капиталистов, при господстве феодальной техники была невозможна борьба с периодически повторявшейся засухой. Знойный сухой ветер иссушал землю, губил колосья, и царь-голод костлявой рукой душил миллионы крестьян.

Теперь Поволжье — край сплошной коллективизации. Перед Поволжьем открыт новый путь. Уже в текущем году начнутся работы, в итоге которых засуха больше не будет страшна. Вновь созданные водоемы и лесонасаждения дадут возможность сохранить миллионы кубометров весенней влаги, которая послужит для орошения полей нашего социалистического сельского хозяйства.

С засухой не могли бороться помещики и капиталисты. Но засуху побеждают и окончательно победят трудящиеся. Твердое ленинское руководство коммунистической партии — залог этой победы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Голод 1921 г. и борьба с ним	3
II. Декрет об изъятии церковных ценностей	11
III. Классовая позиция церкви ко времени издания декрета	16
IV. Отношение патриарха Тихона и руководящей церковной верхушки к голоду	19
V. Карловицкий собор и отношение к голоду заграничных церковников и белой эмиграции.	27
VI. Церковный фронт против голодных.	33
1) Борьба с изъятием ценностей в Ленинграде	34
2) Неудавшееся восстание и попытка погрома в Смоленске	37
3) Кровавое дело в Шуе	42
4) Московский процесс	44
5) Сопrotивление изъятию ценностей в других местностях.	49
6) Система укрывательства ценностей и их воровство	54
VII. Раскаяние патриарха Тихона	66
VIII. Классовая позиция неправославного духовенства и сектантских вожаков в 1921—1922 гг.	74
IX. Контрреволюционная позиция меньшевиков	80
X. Наша агитационно-пропагандистская работа в связи с изъятием ценностей	84
З а к л ю ч е н и е	89

Редактор *Ф. Олещук*

Технический редактор *Л. Гинзбург*

МП 53. № 1158

Сдано в производство 16/X 1931 г.

Подписано к печати 27/XII 1931 г.

Формат 62 × 93 — 1/16, 6 п. л., 51 584 зн. в печ. л.

СПИСОК РАБОТ ТОГО ЖЕ АВТОРА

ЦЕРКОВЬ И 1905 ГОД. Изд. „Атеист“, 1-е изд. 1926 г.,
2-е — 1930 г., стр. 200.

ОБОГЛОТВОРЕНИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ. Изд. „Безбожник“,
1927 г., стр. 63.

ЦЕРКОВНЫЙ ФРОНТ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. Изд.
„Атеист“, 1-е изд. 1927 г., 2-е — 1929 г., стр. 159.

КРЕСТОМ И НАГАЙКОЙ. Изд. „Безбожник“, 1928 г., стр. 29.

РЕЛИГИЯ В ЦАРСКОЙ АРМИИ. Изд. „Безбожник“, 1-е изд.
1928 г., 2-е — 1929 г., стр. 92, под редакцией агит-
пропотдела Политуправления РСФСР.

ЦЕРКОВЬ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Изд. „Безбожник“,
1-е изд. 1929 г., 2-е — 1930 г., стр. 32.

МОНАСТЫРИ-МУЗЕИ И АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА.
Изд. „Безбожник“, 1928 г., стр. 227.

ЛЕГЕНДА О ХРИСТЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА. Изд. „Атеист“.
Вышло 4 издания — в 1928—1930 гг., стр. 80.

ЦЕРКОВЬ И КОНТРАЗВЕДКА. Изд. „Московский рабочий“,
1930 г., стр. 95.

МОСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1905 г. И ЦЕРКОВЬ. Изд. „Ате-
ист“, 1930 г., стр. 68.

**ЦЕРКОВНО-БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ СЪЕЗД В г. СТАВРОПОЛЕ
В МАЕ 1919 г.** Изд. „Московский рабочий“, 1930 г.,
стр. 96.

СЕКТАНТСТВО И МИРОВАЯ ВОЙНА. Изд. „Атеист“, 1930 г.,
стр. 47.

РЕЛИГИОЗНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ 1918—1920 гг. И ИНТЕРВЕНЦИЯ. Изд. „Безбожник“, 1930 г., стр. 148.

ОКТАБРЬСКИЕ БОИ В МОСКВЕ И ЦЕРКОВЬ. Изд. „Безбожник“, 1930 г., стр. 40.

РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАВЛЯ В ПОЛЬШЕ. Изд. „Безбожник“, 1930 г., стр. 55.

ЦЕРКОВЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГЕ. Изд. „Безбожник“, 1931 г., стр. 295.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО, ИНТЕРВЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ. Изд. „Безбожник“, 1931 г., стр. 72.

ЦЕРКОВЬ И ВРАНГЕЛЬ. Изд. „Пролетарий“, 1931 г., стр. 100, на русском и украинском языках.

ДЕНИКИН И ЦЕРКОВЬ. Изд. „Пролетарий“, 1931 г., на украинском языке.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг., И ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЦЕРКОВЬ. Изд. „Московский рабочий“, 1931 г., стр. 51. В сборнике „Меньшевистская контрреволюция, подготовка интервенции и церковь“.

МЕНЬШЕВИКИ И ПОПОВЩИНА ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Изд. „Московский рабочий“, 1931 г., стр. 39. В том же сборнике.

МЕНЬШЕВИКИ И ЦЕРКОВЬ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, Изд. „Московский рабочий“, 1931 г., стр. 111.

ЗА ДВОРЕЦ СОВЕТОВ. Изд. „Московский рабочий“, 1931 г., стр. 16.

КОГО СПАСАЛ ХРАМ „ХРИСТА-СПАСИТЕЛЯ“. Изд. „Московский рабочий“, 1931 г., стр. 72.

ГОЛОД 1921 г. И ЦЕРКОВЬ. Изд. „Московский рабочий“, 1931 г., стр. 94.
